

Дайджест новостей правового регулирования БАНКРОТСТВА



Ответственный редактор - Юрий Сбитнев

Выпуск 31 (ноябрь - декабрь 2020 г.)

Дайджест новостей правового регулирования банкротства
/ноябрь-декабрь 2020 года/

Оглавление:

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА.....	3
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА	4
1. Законы.....	4
2. Законопроекты	4
3. Громкие банкротства.....	4
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА	5
1. Разъяснения судебной практики Верховного суда.....	5
2. Судебная практика Верховного суда РФ	5
<i>Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.....</i>	<i>5</i>
<i>Возбуждение дела о банкротстве</i>	<i>6</i>
<i>Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве</i>	<i>7</i>
<i>Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве</i>	<i>14</i>
<i>Оспаривание сделок должника</i>	<i>18</i>
<i>Субсидиарная ответственность</i>	<i>34</i>
<i>Прочие вопросы</i>	<i>37</i>
IV. НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ И ВИДЕО В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:	39
1. Статьи.....	39
2. Блоги	41
3. Видео по вопросам банкротства.....	41

Уважаемые коллеги и дорогие друзья!

Представляем вашему вниманию последний в ушедшем, 2020-ом году, выпуск Дайджеста новостей правового регулирования банкротства, и пора подвести некоторые итоги.

Это был непростой год для бизнеса, законодателя и судебной системы. Ознаменовался он принятием всем известного Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ от 29.01.2020 года, где Верховный Суд РФ взял на себя инициативу разрешения достаточно сложного вопроса по определению баланса интересов независимых кредиторов и кредиторов, аффилированных с должником, в рамках дела о банкротстве. Далее, это введение новой статьи 9.1 в Закон о банкротстве и знаменитые Обзоры №1 и № 2 по вопросам судебной практики, связанной с применением законодательства о противодействии распространению коронавирусной инфекции COVID-19, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ от 21.04.2020 и от 30.04.2020 соответственно. Указанные разъяснения отвечали духу времени и были жизненно необходимы практикующим юристам и судам, начиная с вопросов исчисления процессуальных сроков, сокращенных кстати для дел о банкротстве, и заканчивая неоднозначными вопросами, связанными с применением правил о моратории на возбуждение дел о банкротстве.

Так или иначе все указанные вопросы, как мы увидим, еще неоднократно будут рассматриваться на протяжении всего года в практике Верховного Суда РФ.

Конец 2020 года ознаменовался принятием Пленумом Верховного суда РФ ряда постановлений, одним из которых был посвящен вопросам применения положений ст. 9.1. Закона о банкротстве уже с учетом полугодовой судебной практики. Здесь Верховный Суд РФ сформулировал общие разъяснения в части действия банкротного моратория во времени и по кругу лиц, общих правил применения моратория и исключения из них, обособил и подытожил ранее данный разъяснения по этим вопросам. Несмотря на то, что данная тема фактически занимала основное место, Верховный Суд не оставил без внимания в своих определениях не менее актуальные вопросы, связанные с установлением требований, оспариванием сделок должника и субсидиарной ответственностью, но, наверное, не стоит выдавать Вам спойлеры, иначе это, как в романе - утрачивается интрига от прочтения.

И как результат подведения итогов мы искренне поздравляем Всех наших читателей с наступившим Новым Годом и Рождеством! Пусть Новый Год подарит новые надежды, новые успехи и, конечно, новые разъяснения по вопросам банкротного законодательства и не только.

С уважением,

Юрий Сбитнев,

адвокат, магистр частного права (РШЧП),

партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- 18 января 2021 года Юридический институт «М-Логос» провел научно-практический онлайн круглый стол «ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО - 2: проблемные вопросы теоретической конструкции и практической ее реализации» (продолжение дискуссии). [Посмотреть запись в свободном доступе можно здесь.](#)

- 23 декабря 2020 года Юридический институт «М-Логос» провел научно-практический онлайн круглый стол «ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ». [Посмотреть запись в свободном доступе можно здесь.](#)

- 2 декабря 2020г. Юридический институт «М-Логос» провел научно-практический онлайн круглый стол «ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО: проблемные вопросы теоретической конструкции и практической ее реализации». [Посмотреть запись в свободном доступе можно здесь.](#)

- 11 ноября 2020 года Юридический институт «М-Логос» провел научно-практический онлайн круглый стол «ДЕЙСТВИЕ НОВЫХ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ДОГОВОРНЫМ ПРАВООТНОШЕНИЯМ ВО ВРЕМЕНИ». [Посмотреть запись в свободном доступе можно здесь.](#)

- На нашем сайте опубликовано расписание образовательных дневных и вечерних онлайн курсов повышения квалификации Юридического института «М-Логос» [на первое полугодие 2021 г.](#) Все курсы будут проводиться в онлайн-формате.

- Приглашаем подписчиков Дайджеста принять участие в следующих программах, которые Институт организует по вопросам банкротства:

Онлайн-программа повышения квалификации «Практикум по эффективному ведению споров в сфере банкротства»	15.03 - 16.04.2021
--	------------------------------------

Онлайн-программа повышения квалификации «Практикум по доказыванию и взысканию убытков при нарушении договора: правовые и практические аспекты»	05.04 - 28.04.2021
--	------------------------------------

Онлайн-курс повышения квалификации «Банкротство юридических лиц и граждан: анализ актуальных новелл законодательства и практики применения»	25.05 - 02.07.2021
---	------------------------------------

- На сайте Института опубликованы следующие дайджесты правовых новостей:

[Дайджест новостей процессуального права за ноябрь 2020 года](#)

[Дайджест новостей антимонопольного права за сентябрь-октябрь 2020 года](#)

[Дайджест новостей права интеллектуальной собственности за сентябрь - ноябрь 2020года](#)

[Дайджест новостей налогового права за июль – сентябрь 2020 года](#)

[Дайджест новостей российского и зарубежного частного права за сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь 2020 года](#)

[Дайджест новостей торгового и потребительского права за октябрь - декабрь 2020 года](#)

II. НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законы

[Федеральный закон от 08.12.2020 № 429-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"](#). Вступил в силу 08.12.2020 г.

[Федеральный закон от 22.12.2020 № 442-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части введения обеспечительных мер, направленных на сохранение имущества субъекта страхового дела в целях исполнения его обязательств"](#). Вступил в силу 22.12.2020 г.

[Федеральный закон от 22.12.2020 № 447-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О синдицированном кредите \(займе\) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации"](#). Вступает в силу 21.06.2021 г. (статья 7 вступила в силу 02.01.2021 г.).

[Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ "О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий"](#). Вступил в силу 30.12.2020 г.

[Федеральный закон от 30.12.2020 № 542-ФЗ "О внесении изменений в статью 201.15-2-2 Федерального закона "О несостоятельности \(банкротстве\)" и статьи 3 и 13.4 Федерального закона "О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности \(банкротстве\) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"](#). Вступил в силу 30.12.2020 г.

2. Законопроекты

[Законопроект № 735246-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" \(в части совершенствования процедур, применяемых при банкротстве кредитных организаций\)"](#)

Дата внесения в ГД: 19.06.2019 г.

Инициатор: Депутаты Государственной Думы Г.Я.Хор, В.М.Резник

Комитет: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Статус: 16.12.2020 г. законопроект принят в первом чтении

Из пояснительной записки к законопроекту:

В части работы с активами несостоятельных банков, законопроектом предлагается ускорить существующие процедуры реализации имущества ликвидируемого банка, сделать их существенно менее затратными для кредиторов. Законопроектом предлагается установить право конкурсного управляющего до проведения первого собрания кредиторов приступить к продаже кредитного портфеля кредитной организации и иного имущества, незамедлительная реализация которого позволит предотвратить убытки банка или его кредиторов. При этом начальная цена продажи будет устанавливаться не ниже балансовой стоимости такого имущества.

3. Громкие банкротства

Промышленность

[Внешэкономбанк банкротит владельцев компании «Азия лес»](#)

[Суд ввёл наблюдение в отношении «Томета»](#)

[«Дочку» Ruspetro признали несостоятельной](#)

Финансы

[Главу «Инфотех-инвест» привлекли к субсидиарной ответственности](#)
[Банк «Открытие» банкротит бывших топ-менеджеров](#)

Торговля

[«Республика» подала иск о банкротстве](#)
[Суд ввёл наблюдение в отношении холдинга «Эксперт»](#)

Банки

[ЦБ банкротит банк «Прохладный»](#)
[9-й ААС подтвердил «субсидиарку» для экс-руководства Пробизнесбанка](#)

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА

1. Разъяснения судебной практики Верховного суда

[Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 44 "О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ "О несостоятельности \(банкротстве\)"](#)

2. Судебная практика Верховного суда РФ

Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве

[Определение ВС РФ от 30.12.2020 № 305-ЭС20-14249](#)

Если требования конкурсного кредитора, включенные в реестр требований кредиторов должника, погашены третьим лицом, производство по апелляционной жалобе такого кредитора на судебный акт в рамках дела о банкротстве подлежит рассмотрению по существу в том случае, если судебным актом затронуты права такого кредитора (в том числе не только кредиторские права в отношении должника, но и права кредитора, являющегося потерпевшим по уголовному делу). Прекращение производства по апелляционной жалобе такого кредитора будет являться нарушением права кредитора на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ).

В отношении Билека М. – генерального директора фирмы – расследуется уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного пунктом «б» части 2 статьи 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере).

Налоговый орган признан потерпевшим по данному уголовному делу.

Билек М. также является участником общества с долей участия в размере 49,99 процента уставного капитала. В свою очередь, общество в ЕГРН числится собственником здания, сооружения, ливневой канализации, хозяйственно-бытовой канализации, кадастровой стоимостью более 270 млн. рублей.

В ходе предварительного расследования удовлетворено ходатайство следователя и дано согласие на наложение ареста, как указал суд, на долю в названных недвижимых объектах общества, принадлежащую Белеку М., в размере 49,99 процента.

Регистрирующий орган внес в государственный реестр записи об аресте недвижимости общества.

Решением от 13.02.2020 фирма признана несостоятельной (банкротом). Требования ФНС России на сумму свыше 1,1 млрд. рублей включены в реестр требований кредиторов фирмы.

Определением от 12.03.2019 возбуждено настоящее дело о несостоятельности (банкротстве) общества. Решением от 19.07.2019 оно признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство.

В рамках дела о банкротстве общества его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением об обязанности регистрирующего органа произвести государственную регистрацию прекращения ареста на упомянутое имущество, принадлежащее на праве собственности обществу.

Определением от 26.11.2019 заявление конкурсного управляющего удовлетворено. Не согласившись с судебным определением, ФНС России обратилась в суд с апелляционной жалобой. Определением апелляционного суда производство по апелляционной жалобе прекращено.

Суд апелляционной инстанции исходил из того, что задолженность общества перед бюджетом в сумме 165 028 рублей 65 копеек, включенная в реестр требований кредиторов общества, погашена третьим лицом (обществом «Альянс»), счел, что неисполненных текущих обязательств перед бюджетом общество не имеет. Поскольку ФНС России больше не является кредитором общества, она не вправе обжаловать судебные акты, вынесенные в рамках дела о банкротстве.

Право на обжалование судебных определений в порядке апелляционного судопроизводства имеют не только лица, участвующие в деле, но и лица, о правах и об обязанностях которых принят судебный акт (часть 3 статьи 16, статьи 42, 257 и 272 АПК РФ).

В рассматриваемом случае преследуемые ФНС России цели не ограничивались получением исполнения от общества. Она также являлась кредитором фирмы, с использованием которой совершены действия, направленные на уклонение от уплаты налогов. Арест, на констатации прекращения которого настаивал конкурсный управляющий обществом, наложен в целях защиты имущественных интересов налогового органа, признанного потерпевшим по уголовному делу. Долг фирмы перед бюджетом не погашен.

Определение суда первой инстанции о прекращении ареста – это судебный акт, которым непосредственно затрагиваются не столько кредиторские права налогового органа в отношении общества, сколько его права потерпевшего по уголовному делу.

Следовательно, исключение ФНС России из числа лиц, участвующих в деле о банкротстве общества вследствие погашения задолженности, зафиксированной в реестре требований кредиторов общества, не являлось основанием для нерассмотрения ее апелляционной жалобы по существу.

Прекращением производства по апелляционной жалобе нарушено право ФНС России на судебную защиту, гарантированное статьей 46 Конституции Российской Федерации, неотъемлемым элементом которого является право на обжалование судебного определения.

Возбуждение дела о банкротстве

[Определение ВС РФ от 21.12.2020 № 305-ЭС20-15076](#)

Перечень денежных обязательств, на основании которых допускается возбуждение дела о банкротстве, не является исчерпывающим. Исключением из этого правила служат обязательства, прямо установленные законом и содержащиеся в закрытом перечне. Реституционное требование о возврате в конкурсную массу полученного по цепочке взаимосвязанных платежей, прикрывающих собой сделку дарения банком денежных средств должнику, к числу такого рода исключений ни Законом о банкротстве, ни иными законами не отнесено. Следовательно, принудительное исполнение судебного определения о возврате в конкурсную массу переданного по недействительным сделкам допустимо путём возбуждения дела о банкротстве должника.

Согласно правовой позиции, нашедшей свое отражение в п. 12 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 28.03.2018, перечень денежных обязательств, на основании которых допускается возбуждение дела о банкротстве, не является исчерпывающим. Исключением из этого правила служат обязательства, прямо установленные законом и содержащиеся в закрытом перечне. Заявленное в настоящем деле реституционное требование о возврате в конкурсную массу полученного по цепочке взаимосвязанных платежей, прикрывающих собой сделку дарения банком денежных средств должнику, к числу такого рода исключений ни Законом о банкротстве, ни иными законами не отнесено. Следовательно, принудительное исполнение судебного определения о возврате в конкурсную массу переданного по данным недействительным сделкам допустимо путем возбуждения дела о банкротстве должника.

Выводы судов и аргументы представителей должника об обратном, в том числе об обязанности должника возратить поступившие на его расчетный счет денежные средства от своих клиентов, ошибочны, являются результатом недопустимой (посягающей на принципы общеобязательности, правовой

определенности и стабильности) переоценки вступивших в законную силу судебных актов по делу № А40-71548/2014 о несостоятельности (банкротстве) банка и установленных фактических обстоятельств (в частности, источника происхождения денежных средств, избранной заинтересованными лицами схемы вывода последних и их принадлежности банку).

Необоснованными следует признать и выводы судов о том, что заявленное требование по своей сути является убытками банка, во взыскании которых ранее было отказано вступившим в законную силу решением Арбитражного суда города Москвы от 20.05.2015 по делу № А40-14029/2015. Основанием к отказу в данном иске в числе прочего явилась недоказанность оспаривания договора купли-продажи простых векселей от 15.04.2014 № 6. Вместе с тем, судами не учтено, что в дальнейшем указанный договор был оспорен в деле о несостоятельности (банкротстве) банка, а вступившим в законную силу определением Арбитражного суда города Москвы от 25.11.2015 в деле № А40-71548/2014 о несостоятельности (банкротстве) банка признан недействительной сделкой, совершенной за месяц до даты назначения временной администрации в отсутствие равноценного предоставления для банка. В указанном обособленном споре суд согласился с доводами конкурсного управляющего банком о том, что 18 простых векселей общества с ограниченной ответственностью "ПАРИТЕТ ГРУПП" (далее - векселедатель) фактически не были переданы банку как покупателю; упомянутые векселя не были обеспечены имуществом векселедателя и не имели какой-либо ценности, в то время как в пользу последнего как продавца были перечислены принадлежащие банку денежные средства. Поскольку часть собственных денежных средств банка в размере 419 011 419 рублей 79 копеек в конечном итоге оказалась на счете должника в обществе КБ "ЯР-БАНК", восстановивший свое нарушенное право банк справедливо претендует на их получение с должника.

Судебная коллегия также не может согласиться с выводами судов о том, что право банка в лице его конкурсного управляющего на возврат в конкурсную массу должника принадлежащих ему денежных средств не нарушено в связи с удовлетворением в гражданском деле № 2-450/2018 Дорогомиловского районного суда города Москвы иска банка о взыскании с Балаяна Г.Б., Курбатова О.В., Зиматкина Г.В. и Айрапетяна С.Г. причиненного преступлением материального ущерба размере 569 500 000 рублей. До настоящего времени указанное решение суда общей юрисдикции не исполнено, причиненные банку убытки не возмещены, в связи с чем его нарушенное право нельзя признать восстановленным. В этой связи, до момента фактического возмещения имущественных потерь вышеуказанными физическими лицами, банк вправе требовать получения собственных денежных средств с общества (в том числе, через инициирование дела о его несостоятельности (банкротстве), что вопреки ошибочным аргументам представителей должника нельзя рассматривать в качестве ничем не обусловленной финансовой санкции.

Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве

[Определение ВС РФ от 19.11.2020 № 307-ЭС20-2151 \(4-8\)](#)

Предоставление обществом-эмитентом поручительства по договорам об отчуждении его акций не противоречит формальным требованиям законодательства. Вместе с тем при оценке экономической целесообразности такого поручительства необходимо исходить из предположения, что при кредитовании одного из участников группы лиц, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает.

Если получение от заключения договора поручительства какой-либо выгоды поручителем не прослеживается, необходимо признать, что оно непосредственно связано с закреплением прав участия и направлено исключительно на реализацию интересов нового акционера и не несет для эмитента как таковых благоприятных экономических последствий.

При этом к требованиям названных участников не подлежат применению положения Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020. Соответствующие разъяснения относятся к требованиям контролирующих либо аффилированных с должником лиц, возникшим в рамках гражданско-правовых обязательств; на требования, вытекающие из прав участия, разъяснения Обзора не распространяются, они не могут быть включены в реестр и подлежат удовлетворению по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве и пункта 8 статьи 63 ГК РФ, то есть при распределении ликвидационной квоты.

В рамках дела о банкротстве должника Сити Инвест Банк обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов завода: - 429 495 408 руб. основного долга; - 24 145 878,83 руб. процентов за пользование суммой займа, начисленных с 01.12.2018 по 20.05.2019; - 999 536 138,51 руб. пеней, начисленных с 12.12.2017 по 20.05.2019; - 3 271 299,45 руб. пеней, начисленных на сумму неуплаченных в срок процентов за пользование суммой займа за период с 01.01.2019 по 20.05.2019; - 1 116 426 362,78 руб. неустойки по договору поручительства за период с 21.12.2017 по 20.05.2019.

Судом округа требования Банка частично включены в третью очередь реестра, в остальной части дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Компания Мидлайн на основании договора купли-продажи от 20.11.2012 продала обществу «Центротранстехмонтаж» 207 акций должника (завода) за 7 518 159,81 долларов США.

Далее общество «Центротранстехмонтаж» через шесть дней продало указанные 207 акций завода обществу «Дженерал Инвест» за 7 518 159,81 долларов США на основании договора купли-продажи от 26.11.2012.

В целях осуществления расчетов по второй из названных сделок ОАО «Гранд Инвест Банк» предоставило обществу «Дженерал Инвест» финансирование в размере цены акций на основании кредитного договора от 26.11.2012.

Впоследствии 19.12.2013 между обществами «Геликон» (займодавцем) и «Дженерал Инвест» (заемщиком) заключен договор на сумму 7 170 000 долларов США. Валютой займа являлся доллар США, процентная ставка 12% годовых. Заем предоставлялся для погашения обязательств заемщика по кредитному договору перед Гранд Инвест Банком.

Между обществом «Геликон» и должником 19.12.2016 заключен договор поручительства, которым обеспечивалось исполнение обществом «Дженерал Инвест» обязательств по договору займа.

11.11.2016 общество «Геликон» (цедент) уступило права требования, вытекающие из займа и обеспечительных сделок, обществу «Эллиан» (цессионарию), стороны связали момент перехода прав с оплатой цессионарием стоимости уступки. Оплата осуществлена 27.12.2017.

В этот же день (27.12.2017) общество «Эллиан» уступило права по займу и обеспечительным сделкам в пользу Сити Инвест Банка.

Неисполнение заемщиком (обществом «Дженерал Инвест») обязательств по возврату суммы займа послужило основанием для обращения Сити Инвест Банка с требованием о включении в реестр поручителя (должника) в рамках настоящего дела о банкротстве.

В момент выдачи займа компания Мидлайн являлась материнской компанией займодавца (общества «Геликон»). Так 100 % долей в уставном капитале общества «Геликон» принадлежит обществу с ограниченной ответственностью «АДЭКС». С 29.01.2013 компания Мидлайн владеет 81 % долей в уставном капитале общества «АДЭКС», оставшиеся 19 % долей в уставном капитале общества «АДЭКС» в момент заключения договора займа были оформлены на Камзину Л.С. Кроме того, Камзина Л.С. является матерью Камзина С.А. – члена совета директоров и крупнейшего акционера Сити Инвест Банка. Из этого суды заключили, что бывший собственник акций (компания Мидлайн) через свою дочернюю компанию (общество «Геликон») предоставил заемщику денежные средства, полученные за счет выручки от продажи акций завода, для выкупа этих акций с отсрочкой платежа. Следовательно, займодавец предоставил заем в пределах суммы, ранее полученной материнской компанией займодавца от заемщика (привлеченных им у ОАО «Гранд Инвест Банк»), то есть фактически заем был предоставлен не за счет средств компаний займодавца, а за счет выручки от продажи акций заемщику.

I. Квалификация сделок, опосредовавших движение акций.

Исходя из установленных судами первой и апелляционной инстанций обстоятельств компания Мидлайн продала спорные акции обществу «Центротранстехмонтаж», которое на следующий же день продало эти акции обществу «Дженерал Инвест». Последнее рассчиталось за акции при помощи внешнего финансирования, привлеченного у Гранд Инвест Банка. Впоследствии общество «Геликон» предоставило приобретателю акций (обществу «Дженерал Инвест») заем на погашение кредита, взятого у Гранд Инвест Банка.

100 % долей в уставном капитале общества «Геликон» принадлежали обществу «АДЭКС». При этом на момент предоставления обществом «Геликон» спорного займа (19.12.2013) компания Мидлайн владела 81 % долей в уставном капитале общества «АДЭКС» (начиная с 29.01.2013). По условиям заемного соглашения

финансирование носило целевой характер и предоставлялось для погашения обязательств заемщика по кредитному договору перед Гранд Инвест Банком.

Следовательно, на момент выдачи займа общество «Геликон» (займодавец) являлось внучатой структурой компании Мидлайн (первоначального продавца акций завода). Суды установили, что заем был предоставлен в пределах суммы, полученной компанией Мидлайн в результате продажи акций.

Учитывая установленные судами обстоятельства, судебная коллегия приходит к следующему выводу: предоставляя заемное финансирование после вхождения в одну группу с компанией Мидлайн, общество «Геликон» должно было осознавать, что денежные средства будут использованы для завершения расчетных операций в рамках сложноструктурированных отношений по передаче обществу «Дженерал Инвест» акций завода, так как заем носил целевой характер и подлежал направлению Гранд Инвест Банку на погашение кредита, выданного в целях оплаты этих акций их предыдущему собственнику (компании Мидлайн).

Спорный заем, предоставленный лицом, приобретшим корпоративную связь с продавцом, должен быть квалифицирован как входящий в структуру отношений по приобретению акций обществом «Дженерал Инвест». При этом дальнейшая перемена кредитора в обязательстве на Сити Инвест Банк не изменила правовую природу перешедшего к нему требования.

II. Квалификация требования из поручительства.

Таким образом, спорное поручительство было предоставлено заводом в 2016 году в целях обеспечения исполнения обязательства по сделке, непосредственно связанной с оплатой его акций. С экономической точки зрения выдача поручительства осуществлялась в рамках реструктуризации просроченной задолженности: вошедшее в одну с продавцом группу лицо предоставляло дополнительную отсрочку исполнения обязательства по займу, в то время как покупатель (заемщик) и подконтрольный ему эмитент, выдавая дополнительное обеспечение, повышали для кредитора гарантии возврата долга.

При этом в рамках спорного обеспечительного обязательства завод фактически поручился за исполнение сделки, связанной с покупкой его собственных акций.

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.11.2010 № 10254/10 (далее – постановление № 10254/10), сама по себе выдача обществом-эмитентом поручительства по договорам об отчуждении его акций не противоречит формальным требованиям законодательства, не содержащего соответствующих запретов.

Вместе с тем при оценке деловой цели и экономической целесообразности выдачи поручительства необходимо исходить из предположения, что при кредитовании одного из участников группы лиц, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.05.2018 № 301-ЭС17-22652, от 11.07.2019 № 305-ЭС19-4021). Этим объясняется допустимость противопоставления долга перед кредитором из поручительства требованиям иных кредиторов должника, осуществивших реальное предоставление в пользу имущественной массы банкрота.

Однако в рассматриваемом случае подобная выгода от кредитования лицом, аффилированным с продавцом акций, отсутствовала. Заключив спорную обеспечительную сделку, завод поручился за исполнение своим акционером обязательства, связанного с приобретением собственных акций поручителя. Такое основное обязательство опосредует изменение состава акционеров в обществе, то есть заключено в целях перераспределения прав участия в капитале завода. Поэтому исполнение этого обязательства не сопровождало получение заводом как поручителем какой-либо выгоды, а напротив, будучи непосредственно связанным с закреплением прав участия, было направлено исключительно на реализацию интересов нового акционера и не несло для завода как таковых благоприятных экономических последствий.

По смыслу положений законодательства о банкротстве (абзац восьмой статьи 2 Закона) такие требования, которые напрямую связаны с правами участия в должнике, не могут конкурировать с требованиями перед иными кредиторами и не подлежат включению в реестр. В обратном случае нарушался бы баланс интересов вовлеченных в процесс банкротства конкурсных кредиторов и участников корпоративных отношений (постановление № 10254/10).

При этом к требованиям названных участников не подлежат применению и разъяснения, изложенные в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020. Соответствующие разъяснения относятся к требованиям контролирующих либо аффилированных с должником лиц, возникшим в рамках гражданско-

правовых обязательств; на требования, вытекающие из прав участия, разъяснения Обзора не распространяются, они не могут быть включены в реестр и подлежат удовлетворению по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве и пункта 8 статьи 63 ГК РФ, то есть при распределении ликвидационной квоты.

[Определение ВС РФ от 01.12.2020 № 302-ЭС19-16365\(3\)](#)

Само по себе открытие конкурсного производства и следующее за этим изменение адреса должника не может влечь изменения условий договоров либо иных сделок об адресе направления юридически значимого сообщения, иначе это свидетельствовало бы о возможности изменения условий договора (или иной сделки) в одностороннем порядке в отсутствие воли кредитора по обязательству. Публичное объявление об изменении адреса банка дает кредитору право направить сообщение по новому адресу, но не лишает его возможности направить сообщение и по тому адресу, который непосредственно указан в банковской гарантии.

Требование об уплате по гарантии отличается от требования о включении в реестр (что не исключает по воле кредитора объединения их в одном документе). Требование об уплате по гарантии может быть предъявлено как по адресу, указанному в гарантии, так и по новому местонахождению исполнительного органа банкрота – конкурсного управляющего. При этом требование о включении в реестр подлежит направлению в соответствии с положениями законодательства о банкротстве. Так, по смыслу подпункта 6 пункта 2 статьи 189.74, подпункта 4 пункта 1 статьи 189.76 4 и пункта 1 статьи 189.85 Закона о банкротстве требования к кредитной организации о включении в реестр предъявляются кредитором по адресу, опубликованному в официальном издании.

Необходимо различать требование бенефициара об уплате по независимой гарантии и требование о включении в реестр требований кредиторов гаранта при его банкротстве. Отказывая в установлении задолженности перед заводом в реестре, суды исходили из того, что пороками обладает первое из названных требований - об уплате по гарантии.

Так, судами установлено, что исходя из положений спорной банковской гарантии требование по ней подлежало предъявлению по адресу банка в г. Чите. В то же время на момент заявления требования постоянно действующий исполнительный орган должника (конкурсный управляющий) находился в Москве, о чем была сделана публикация в газете "Коммерсантъ".

При рассмотрении настоящего спора перед судами встал вопрос о том, влияет ли изменение местонахождения постоянно действующего исполнительного органа кредитной организации в связи с открытием в отношении нее конкурсного производства на обязанность направления кредиторами юридически значимых сообщений по адресам, указанным при заключении договоров и иных сделок (п. 2 и 3 ст. 54, ст. 165.1 ГК РФ).

Разрешая спор, суды фактически исходили из того, что кредитор должен отслеживать актуальный адрес банка независимо от условий, предусмотренных соответствующей сделкой.

Однако с таким подходом нельзя согласиться. Само по себе открытие конкурсного производства и последовавшее за этим изменение адреса должника не может влечь изменения условий договоров либо иных сделок об адресе направления юридически значимого сообщения, иначе это свидетельствовало бы о возможности изменения условий договора (или иной сделки) в одностороннем порядке в отсутствие воли кредитора по обязательству.

Публичное объявление об изменении адреса банка давало кредитору право направить сообщение по новому адресу, но не лишало его возможности направить сообщение и по тому адресу, который непосредственно указан в гарантии. Таким образом, завод имел право предъявить требование по гарантии в г. Читу.

Согласно условиям банковской гарантии банк освобождался от всех своих обязательств, если требования завода (бенефициара) не были получены гарантом до 31.05.2019 включительно. Из этого следует, что завод должен был обеспечить доставку требования об уплате по гарантии не позже указанной даты.

Как установлено судами, требование поступило в место вручения 22.05.2019, банком сообщение получено не было. Однако поскольку оно не было получено по обстоятельствам, зависящим от гаранта, то в силу абз. 2 п. 1 ст. 165.1 ГК РФ такое сообщение считается доставленным.

Следовательно, требование об уплате по гарантии было представлено до истечения срока действия гарантии, в связи с чем оно должно было быть рассмотрено по существу.

Как отмечено выше, требование об уплате по гарантии отличается от требования о включении в реестр (что не исключает по воле кредитора объединения их в одном документе). Требование об уплате по гарантии может быть предъявлено как по адресу, указанному в гарантии, так и по новому местонахождению исполнительного органа банкрота - конкурсного управляющего. При этом требование о включении в реестр подлежит направлению в соответствии с положениями законодательства о банкротстве. Так, по смыслу подп. 6 п. 2 ст. 189.74, подп. 4 п. 1 ст. 189.76 и п. 1 ст. 189.85 Закона о банкротстве требования к кредитной организации о включении в реестр предъявляются кредитором по адресу, опубликованному в официальном издании.

Следовательно, завод первоначально заявил требование об уплате по гарантии (в г. Читу) в пределах срока ее действия, а уже затем обратился к конкурсному управляющему с заявлением о включении в реестр. Таким образом, требование завода должно было быть рассмотрено конкурсным управляющим на предмет его обоснованности, чего им сделано не было. Равным образом суды, сочтя правомерным отказ по мотиву пропуска срока по гарантии, названную ошибку управляющего не исправили и не рассмотрели требование завода по существу.

[Определение ВС РФ от 17.12.2020 № 301-ЭС20-11581](#)

Для признания лица, обратившегося с требованием о включении в реестр требований о передаче жилых помещений, участником строительства необходимо соблюдение следующих условий: наличие связывающего с застройщиком - должником договорного обязательства о передаче квартиры в будущем (прав на нее) и фактическая передача застройщику денежных средств и (или) иного имущества в целях строительства многоквартирного дома 3 (подпункт 3 пункта 1, пункт 6 статьи 201.1, статья 201.7 Закона о банкротстве). При рассмотрении вопроса об обоснованности данного требования суду достаточно проверить наличие формальных оснований на момент обращения кредитора с соответствующим заявлением, включая установление размера предоставленного им по сделке исполнения. Вопрос о возможности фактического исполнения застройщиком обязательства по передаче жилого помещения (статья 201.11 Закона о банкротстве) на этой стадии разрешению не подлежит. При этом правопритязание нескольких лиц в отношении одного и того же объекта недвижимости само по себе не препятствует включению их требований о передаче жилого помещения в реестр требований кредиторов в случае, если таковые обоснованы и подтверждены надлежащими доказательствами.

Материально-правовой интерес лица при заключении договора долевого участия в строительстве многоквартирного дома заключается в приобретении по окончании строительства предусмотренного договором жилого помещения. После возбуждения в отношении застройщика процедуры банкротства защиту такого интереса в том числе обеспечивают положения параграфа 7 главы IX Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (далее - Закон о банкротстве).

Статус участника строительства многоквартирного дома в случае несостоятельности застройщика гарантирует последнему приоритетное удовлетворение требований по отношению к другим кредиторам, а также возможность участия в принятии решений, в том числе в отношении объекта незавершенного строительства, создания жилищно-строительного кооператива или иного специализированного потребительского кооператива (статьи 201.9, 201.10 Закона о банкротстве).

Для признания лица, обратившегося с требованием о включении в реестр требований о передаче жилых помещений, участником строительства необходимо соблюдение следующих условий: наличие связывающего с застройщиком - должником договорного обязательства о передаче квартиры в будущем (прав на нее) и фактическая передача застройщику денежных средств и (или) иного имущества в целях строительства многоквартирного дома (подпункт 3 пункта 1, пункт 6 статьи 201.1, статья 201.7 Закона о банкротстве в редакции, применимой к спорным правоотношениям).

По смыслу приведенных норм права, при рассмотрении вопроса об обоснованности данного требования суду достаточно проверить наличие формальных оснований на момент обращения кредитора с соответствующим заявлением, включая установление размера предоставленного им по сделке исполнения. Вопрос о возможности фактического исполнения застройщиком обязательства по передаче жилого помещения (статья 201.11 Закона о банкротстве) на этой стадии разрешению не подлежит. При этом

правопритязание нескольких лиц в отношении одного и того же объекта недвижимости само по себе не препятствует включению их требований о передаче жилого помещения в реестр требований кредиторов в случае, если таковые обоснованы и подтверждены надлежащими доказательствами.

Обращаясь с настоящим требованием в арбитражный суд, Кондратьев Р.И. представил заключенный с должником договор участия в долевом строительстве, а также документы, подтверждающие оплату по договору (договор уступки и квитанцию к приходному кассовому ордеру).

Не давая оценки представленным доказательствам, суды сослались лишь на установленные судебным актом суда общей юрисдикции обстоятельства совершения Казаковым А.Б. мошеннических действий в отношении Кондратьева Р.И. и взыскание в пользу последнего убытков, причиненных преступлением. Суды также указали на приобретение прав на спорные жилые помещения за иными лицами. Из упомянутого судебного акта следует, что права на жилые помещения, являющиеся предметом заключенного между должником и Кондратьевым Р.И. договора, в результате незаконных действий директора должника Казакова А.Б. переданы иным лицам. После цепочки уступок конечными приобретателями являются Игнатьев В.Н. (однокомнатная квартира) и Морозова Н.Н. (трехкомнатная квартира). Уступка прав требований зарегистрирована в установленном порядке.

Однако присуждение к взысканию с Казакова А.В. в пользу Кондратьева Р.И. убытков, причиненных преступлением, не освобождает должника от исполнения принятых на себя по договору гражданско-правовых обязательств, учитывая, что доказательств полного возмещения ущерба не представлено. Равным образом отсутствие регистрации договора долевого строительства не лишает добросовестного участника строительства, оплатившего жилое помещение, права требования к застройщику.

Как пояснил в судебном заседании представитель Кондратьева Р.И., до настоящего времени спорный многоквартирный дом в эксплуатацию не введен, расчеты с кредиторами третьей очереди не производились.

Уклонившись от проверки обоснованности заявленного Кондратьевым Р.И. требования, суды тем самым лишили последнего статуса участника строительства без должных к тому оснований.

[Определение ВС РФ от 21.12.2020 № 306-ЭС20-12066\(1,2\)](#)

Размер регрессного требования исполнившего сопоручителя к другому в любом случае не может превышать сумму фактически понесенных им расходов на исполнение обязательства; из указанной суммы также вычитается доля в обязательстве, падающая на исполнившего сопоручителя.

Если группа лиц, аффилированных с должником, приобрела права требования кредитора на торгах, происходит совпадение кредитора и одного из солидарных должников (сопоручителя), что применительно к положениям статьи 413 ГК РФ освобождает второго совместного поручителя от обязательств по отношению к кредитору, не затрагивая отношения сопоручителей между собой.

Таким образом, покупатель и его аффилированная с должником группа вправе в порядке регресса требовать с должника как сопоручителя принадлежащую на него долю в обязательстве, исчисляемую исходя из суммы фактически понесенных на выкуп (погашение) требования кредиторов расходов. Иной подход - о реализации поручителем выравнивающего требования, рассчитанного исходя из полного размера требования кредитора, будет противоречить внутренним отношениям между совместными поручителями, в том числе существующим в их рамках охранительным обязанностям действовать добросовестно по отношению друг к другу, защищая имущественную сферу своего контрагента (пункт 3 статьи 307 ГК РФ).

Как установлено судами, спорное право требования было приобретено Абрамовым А.В., Кузнецовой О.Ф. и Максимкиным А.Н. на основании ряда последовательно заключенных сделок уступки права требования (цессии). Так, Абрамов А.В. в отсутствие у него финансовой возможности для приобретения требования, а также очевидного имущественного интереса (переуступка осуществлена в короткий промежуток времени) произвел оплату данного требования за счет денежных средств, полученных от Кузнецова А.В. Последующий приобретатель - Кузнецова О.Ф. - является матерью Кузнецова А.В. (солидарного должника). В свою очередь, Максимкина Г.В. (мать Максимкина А.Н.) и Кузнецова О.Ф. являются пользователями смежных земельных участков (соседями). При таких обстоятельствах суды пришли к правомерному выводу, что в данном случае имели место согласованные действия взаимосвязанных лиц, направленные на выкуп спорного требования, которое после продажи на торгах в деле о банкротстве банка оказалось принадлежащим действующей в интересах Кузнецова А.В. группе. В

интересах того же лица происходило дальнейшее движение требования (смена правообладателей) внутри этой группы.

Кузнецов А.В. и Шевченко Ю.Н. являлись участниками заемщика (общества), что обуславливает экономические мотивы в предоставлении ими обеспечения по кредиту в виде поручительства.

По общему правилу аффилированность лиц, предоставивших поручительство, презюмирует его совместный характер. Поскольку Кузнецов А.В. и Шевченко Ю.Н. входили в капитал одного и того же лица (заемщика), следует исходить из того, что их поручительства совместные. Доказательств наличия между поручителями соглашения об ином суде не представлено.

Следовательно, если бы обязательства исполнялись согласно первоначальным договоренностям, то статус кредитора в правоотношении мог перейти к Кузнецову А.В. как совместному поручителю в случае погашения им задолженности перед банком. В такой ситуации у него возникло бы право предъявления регрессных требований к Шевченко Ю.Н. в части исполненной суммы, которая соответствует доле последнего в обеспечении обязательства, за вычетом доли, падающей на самого Кузнецова А.В. (пункта 2 статьи 325 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункт 27 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.07.2012 № 42 "О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством").

Помимо иных функций, механизм регресса призван выравнять положение солидарных должников после удовлетворения требования кредитора, исключая обогащение одного за счет другого. Иными словами, размер регрессного требования исполнившего сопоручителя к другому в любом случае не может превышать сумму фактически понесенных им расходов на исполнение обязательства; из указанной суммы также вычитается доля в обязательстве, падающая на исполнившего сопоручителя.

В рассматриваемом случае группа Кузнецова А.В. приобрела права требования кредитора на торгах. Вследствие этого произошло совпадение кредитора и одного из солидарных должников (сопоручителя), что применительно к положениям статьи 413 Гражданского кодекса Российской Федерации освобождает второго совместного поручителя от обязательств по отношению к кредитору, не затрагивая отношения сопоручителей между собой.

Таким образом, Кузнецов А.В. (и его группа) вправе в порядке регресса требовать с Шевченко Ю.Н. как сопоручителя приходящуюся на него долю в обязательстве, исчисляемую исходя из суммы фактически понесенных на выкуп (погашение) требования кредиторов расходов. Иной подход - о реализации поручителем выравнивающего требования, рассчитанного исходя из полного размера требования кредитора, будет противоречить внутренним отношениям между совместными поручителями, в том числе существующим в их рамках охранительным обязанностям действовать добросовестно по отношению друг к другу, защищая имущественную сферу своего контрагента (пункт 3 статьи 307 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Отказав во включении в реестр требования в полном объеме со ссылкой на злоупотребление Кузнецовым А.В. правом, суды лишили последнего возможности компенсировать понесенные расходы, в том числе связанные с выкупом этого требования, что также нельзя признать правомерным.

[Определение ВС РФ от 28.12.2020 № 305-ЭС20-15712](#)

Требование добросовестного гаранта считается заявленным в установленный Законом о банкротстве срок, если оно предъявлено в течение двух месяцев со дня возникновения права на регресс.

1. В соответствии с п. 1 ст. 379 ГК РФ возмещение имущественной массы гаранта, уплатившего по банковской гарантии, осуществляется с использованием механизма регресса, а не перемены лица в уже существующем обязательстве.

При регрессе, в отличие от суброгации (п. 1 ст. 382 ГК РФ), возникает новое обязательство.

По общему правилу денежные обязательства, возникшие после дня принятия к производству заявления о признании должника банкротом, относятся к числу текущих. Требования кредиторов по таким обязательствам не подлежат включению в реестр требований кредиторов и удовлетворяются в приоритетном порядке (п. 1 и 2 ст. 5, п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае по формальным признакам регрессное требование банка к принципалу (и как следствие, к обществу, поручившемуся за принципала) возникло после уплаты денежной суммы бенефициару, то есть после возбуждения дела о банкротстве общества.

Вместе с тем, в п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» дано ограничительное толкование положений п. 1 и 2 ст. 5 Закона о банкротстве в части регрессных обязательств по банковской гарантии: если банковской гарантией обеспечено исполнение обязательства, возникшего до дня возбуждения дела о банкротстве должника-принципала, и гарант уплатил бенефициару сумму, на которую выдана гарантия, после этого дня, требование гаранта к должнику-принципалу о возмещении указанной суммы не относится к текущим платежам и подлежит включению в реестр требований кредиторов.

Такое толкование может привести к появлению ситуации, при которой само реестровое регрессное (новое) требование, основанием которого является платеж кредитору, возникнет после истечения предусмотренного абз. 3 п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве двухмесячного срока на его предъявление к включению в реестр требований кредиторов принципала (поручителя принципала), что и имело место в рассматриваемом случае.

В подобной ситуации сложившаяся судебная арбитражная практика исходит из того, что положения абз. 3 п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве в силу аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) подлежат применению к добросовестному гаранту с учетом правил п. 3 ст. 61.6 Закона о банкротстве: требование добросовестного гаранта считается заявленным в установленный Законом о банкротстве срок, если оно предъявлено в течение двух месяцев со дня возникновения права на регресс (определение ВС РФ от 24.09.2014 № 307-ЭС14-100).

2. Судебная коллегия считает, что в рассматриваемом случае вопрос о добросовестности банка был разрешен судами неправильно.

Ненадлежащее исполнение банком обязательства перед бенефициаром производит эффект только на это обязательство (бенефициар получает право на привлечение банка к гражданско-правовой ответственности за несовершение платежа по гарантии в отведенный срок (п. 2 ст. 377 ГК РФ)) и само по себе не свидетельствует о недобросовестности банка в регрессной обязательственной связи «гарант – принципал».

Суды не учли, что гарантия призвана повысить уровень защиты бенефициара, создать для него большую вероятность реального удовлетворения требования, вытекающего из отношений между принципалом и бенефициаром.

Принципал и его поручитель (кредиторы принципала, поручителя) не могут поставить в вину гаранту просрочку платежа в адрес бенефициара еще и потому, что причиной предъявления бенефициаром требования к гаранту является неисправность самого принципала в обязательстве, связывающем его с бенефициаром.

В части отношений «гарант – бенефициар» банк обращал внимание на то, что за нарушение срока платежа по гарантиям он уже привлечен к гражданской ответственности: решением Арбитражного суда г. Москвы от 31.10.2018 по делу № А40-45189/2018 с него в пользу бенефициара помимо денежных сумм, подлежащих выплате по гарантиям, дополнительно взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами. Свою ответственность в виде суммы процентов банк не пытается переложить на принципала (его поручителя – общество).

Недобросовестность банка в обязательственной связи «гарант – принципал (его поручитель)» не была установлена судами.

При таких обстоятельствах, вывод судов о понижении очередности удовлетворения требования банка является преждевременным.

Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве

[Определение ВС РФ от 16.11.2020 № 307-ЭС20-11632](#)

Бездействие арбитражного управляющего по оспариванию сделок, когда подобные меры способны восстановить имущественное положение должника и произвести расчеты с кредиторами, является основанием для привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности. Попытки утверждения необоснованного плана реструктуризации задолженности, которые были продиктованы намерением обеспечить должнику рассрочку в погашении долгов перед

кредиторами, в случае если сам факт возникновения просрочки вызван недобросовестными действиями должника, также свидетельствуют о недобросовестности управляющего.

Административный орган в отношении арбитражного управляющего составлен протокол об административном правонарушении от 26.08.2019 по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ, после чего управление обратилось в арбитражный суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности.

Судами первой и апелляционной инстанций заявление удовлетворено, арбитражному управляющему назначено административное наказание в виде штрафа в размере 25 000 рублей.

Постановлением округа состоявшиеся по делу судебные акты отменены, в удовлетворении заявления управления отказано.

На основании части 3 статьи 14.13 КоАП РФ установлена административная ответственность за неправомерные действия при банкротстве, в частности, за неисполнение арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), если такое действие (бездействие) не содержит уголовно наказуемого деяния.

Приведенная норма, будучи бланкетной, применяется в системной связи с законодательством о банкротстве, поскольку именно в Законе о банкротстве определены полномочия (права и обязанности) арбитражного управляющего, реализуемые в рамках соответствующих процедур банкротства.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях (Постановления от 22.07.2002 № 14-П и от 19.12.2005 № 12-П; Определения от 17.07.2014 № 1675-О, от 25.09.2014 № 2123-О и др.) неоднократно указывал, что процедуры банкротства носят публично-правовой характер; в силу различных, зачастую диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства; достижение этой публично-правовой цели призван обеспечивать арбитражный управляющий, наделяемый полномочиями, которые в значительной степени носят публично-правовой характер: он обязан принимать меры по защите имущества должника, анализировать финансовое состояние должника и т.д., действуя добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

Принимая во внимание публично-правовой характер процедур банкротства, это общее требование распространяется также на реализацию прав арбитражного управляющего, которые предоставлены ему для защиты законных интересов должника и кредиторов, достижения целей соответствующих процедур банкротства.

В частности, на основании части 8 статьи 213.9 Закона о банкротстве арбитражный управляющий, действуя в качестве финансового управляющего в процедурах банкротства гражданина, обязан принимать меры по выявлению имущества гражданина и обеспечению сохранности этого имущества. Судебное оспаривание сделок должника, предусмотренное главой III.1 Закона № 127-ФЗ и применяемое при банкротстве физических лиц, согласно абзацу первому части 7 статьи 213.9 Закона о банкротстве является одним из механизмов формирования конкурсной массы, за счет которой подлежат удовлетворению требования кредиторов гражданина.

Таким образом, в силу закона финансовый управляющий должен предпринимать меры, направленные на увеличение конкурсной массы должника – гражданина, в том числе посредством обращения в арбитражный суд с заявлениями о признании недействительными сделок, а также о применении последствий недействительности сделок, заключенных или исполненных должником.

В то же время, толкуя категорию разумности и добросовестности поведения арбитражного управляющего, судебная практика признает, что деятельность арбитражного управляющего по наполнению конкурсной массы должна носить рациональный характер, не допускающий бессмысленных формальных действий, влекущих неоправданное увеличение расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, и прочих текущих платежей, в ущерб конкурсной массе и интересам кредиторов. Не всякое оспаривание может привести к положительному для конкурсной массы результату. Так, в частности, если сделка совершена должником или за счет должника за пределами трехлетнего периода подозрительности, исчисляемого с даты принятия судом заявления о возбуждении в отношении должника дела о банкротстве, то вполне очевидно, что ее оспаривание по основаниям, предусмотренным главой III.1 Закона о банкротстве, не имеет судебных перспектив на положительное удовлетворение. Следовательно, бездействие арбитражного управляющего в отношении оспаривания подобных сделок разумно и рационально и по

общему правилу не может быть признано противоправным (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020 № 308-ЭС19-18779(1,2)).

Исходя из изложенного, неисполнением арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), образующим объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного статьей 14.13 КоАП РФ, может быть признано уклонение арбитражного управляющего от реализации права на оспаривание сделок в ситуации, когда это было необходимо для защиты интересов должника и его кредиторов и упомянутая необходимость являлась ясной для арбитражного управляющего, либо должна была стать таковой. Вина арбитражного управляющего в этом случае имеет место, если допущенное им бездействие не было обусловлено разумными причинами или носило намеренный характер.

К обстоятельствам, имеющим юридическое значение для квалификации поведения арбитражного управляющего, относятся: наличие достаточной совокупности оснований для оспаривания сделок (установленных законом признаков подозрительности сделок и т.п.); были ли эти основания известны арбитражному управляющему, либо должны были стать известными при должном исполнении арбитражным управляющим своих обязанностей; могла ли реализация арбитражным управляющим полномочий на оспаривание сделки привести к пополнению конкурсной массы, защите прав и законных интересов должника и кредиторов; имелись ли у арбитражного управляющего рациональные причины для отказа от оспаривания сделок.

При рассмотрении дела судами первой и апелляционной инстанций установлено, что основным кредитором должника, требования которого включены в третью очередь реестра кредиторов, являлся уполномоченный орган – Федеральная налоговая служба.

В процедуре реструктуризации долгов гражданина арбитражным управляющим подготовлено заключение от 12.07.2017 о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства Палкина А.В., в котором указано о заключении должником сделок по отчуждению имущества на общую сумму 1,5 млрд. рублей на заведомо невыгодных для должника условиях.

В 2017 году арбитражным управляющим также было подготовлено заключение о наличии (отсутствии) оснований для оспаривания сделок Палкина А.В., из которого следует, что, несмотря на заключение должником ряда сделок на нерыночных условиях, данные сделки не явились причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности должника, а учитывая наличие у должника различного рода активов и предложение должника об утверждении плана реструктуризации долгов, оспаривание совершенных должником сделок является преждевременным.

В дальнейшем должник совместно с арбитражным управляющим разработал проект плана реструктуризации долгов гражданина, который дважды был предложен собранию кредиторов (протоколы собраний кредиторов от 19.07.2017, от 14.08.2017) и предполагал погашение в полном объеме требований кредиторов в течение двух лет с даты утверждения предлагаемого плана реструктуризации судом посредством ежемесячного перечисления кредиторам денежных средств в размере 7 962 497 рублей 01 копейки.

В качестве источников поступления денежных средств в целях исполнения плана реструктуризации указывалось на доходы от основного места работы (Аппарат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации), трудовой пенсии по старости, взыскания дебиторской задолженности согласно приложению № 1 к плану. В качестве альтернативного варианта исполнения плана также указано на возможную реализацию имущества должника.

Собранием кредиторов, состоявшимся 14.08.2017, принято решение об отклонении плана реструктуризации долгов гражданина. Должник и финансовый управляющий обратились в суд с заявлением об утверждении плана реструктуризации долгов, однако постановлением Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.01.2018 в утверждении плана реструктуризации долгов отказано.

Не согласившись с заключением арбитражного управляющего о преждевременности оспаривания сделок должника по выводу своего имущества на общую сумму более 1,5 млрд. рублей, уполномоченный орган самостоятельно обратился с заявлением об оспаривании сделок должника.

Судебными актами, вступившими в силу, признаны недействительными 157 договоров дарения и купли-продажи, применены последствия недействительности сделок, совершенных должником в пользу своих сыновей Палкина П.А. и Палкина М.А. на общую сумму 320 344 985 рублей 50 копеек.

Из изложенных обстоятельств, установленных судами первой и апелляционной инстанции, следует, что арбитражному управляющему был, бесспорно, известен невыгодный характер этих сделок, что образует основания для оспаривания сделок, предусмотренные статьей 61.2 Закона о банкротстве.

Положения Закона о банкротстве, позволяющие гражданину претендовать на реструктуризацию долгов в процедурах банкротства (статьи 213.11 – 213.22), не исключают необходимость оспаривания сделок должника, нарушающих права кредиторов, поскольку имеют цель учета имущественного положения гражданина-должника при вынесении арбитражным судом решения о признании его банкротом. Они обеспечивают особый режим имущественных требований к должнику, не допускающий удовлетворения этих требований в индивидуальном порядке, а также баланс имущественных интересов всех лиц, участвующих в деле о банкротстве гражданина, но не отменяют обязанность финансового управляющего применять меры для наполнения конкурсной массы (в том числе, посредством получения стоимости отчужденного имущества в порядке применения последствий недействительности сделок), что позволило бы осуществить расчеты с кредиторами и, тем самым, исключило как таковую необходимость дальнейшего осуществления процедур банкротства граждан.

Таким образом, как обоснованно отметили суды первой и апелляционной инстанций, поведение арбитражного управляющего, бездействовавшего в оспаривании сделок, способного восстановить имущественное положение должника и произвести расчеты с кредиторами, в данном случае было продиктовано намерением обеспечить должнику Палкину А.В. рассрочку в погашении долгов, включая задолженность по налоговым платежам, в то время как сам факт возникновения просрочки вызван действиями должника – отчуждением имущества в преддверии банкротства, и этот факт должен быть очевиден самому арбитражному управляющему по результатам проведенного им анализа.

[Определение ВС РФ от 24.11.2020 № 308-ЭС20-10652](#)

Арбитражный управляющий, являющийся членом избирательной комиссии с правом решающего голоса, не может быть привлечен к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации, как то установлено пунктом 18 статьи 29 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации".

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности, предусмотренной частью 3 статьи 14.13 КоАП РФ.

Судами трех инстанций арбитражный управляющий привлечен к административной ответственности, предусмотренной частью 3 статьи 14.13 КоАП РФ, с назначением наказания в виде предупреждения.

Как следует из материалов дела, арбитражный управляющий является членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса, о чем он указывал при рассмотрении дела в суде первой инстанции, в том числе в отзыве на заявление административного органа, приложив копию соответствующего удостоверения.

В соответствии с пунктом 18 статьи 29 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 67-ФЗ) член комиссии с правом решающего голоса не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации.

Гарантии, предоставляемые членам избирательных комиссий, в области административной ответственности, не являются их личной привилегией, имеют публично-правовой характер, так как призваны служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом таких лиц именно в силу осуществляемых ими публично значимых полномочий, ограждая их в период исполнения указанных полномочий от необоснованных преследований и способствуя беспрепятственной деятельности избирательных комиссий, их самостоятельности и независимости. Такие гарантии полностью исключают возможность привлечения к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, лица, являющегося членом избирательной комиссии с правом решающего голоса, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации.

Учитывая, что арбитражный управляющий подлежит привлечению судом к административной ответственности с соблюдением требований пункта 18 статьи 29 Закона № 67-ФЗ и возможность рассмотрения настоящего дела по существу в установленном порядке с получением соответствующего согласия прокурора субъекта Российской Федерации на привлечение арбитражного управляющего к

административной ответственности не утрачена, поскольку установленный частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности за вменяемое правонарушение в настоящее время не истек, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене на основании части 1 статьи 291.11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а дело – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Оспаривание сделок должника

[Определение ВС РФ от 05.11.2020 № 303-ЭС16-19972 \(2\)](#)

Закон о банкротстве не содержит положения о том, что открытие в отношении должника-арендатора процедуры конкурсного производства автоматически лишает арендодателя права на досрочное расторжение договора, в том числе при наличии к тому оснований, установленных иными законами. При этом в случае наличия соответствующих доказательств публичный арендодатель может быть признан лицом, злоупотребившим правом, в связи с чем ему должно быть отказано в защите, и отказ от исполнения договора такого арендодателя может быть признан недействительным.

В рамках дела о банкротстве должника общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным одностороннего отказа министерства от исполнения договора аренды от 27.02.2012 земельного участка; о признании договора аренды недействительным.

Судами трех инстанций односторонний отказ министерства от исполнения договора аренды признан недействительным, в остальной части заявление оставлено судом без рассмотрения.

Между министерством (арендодателем) и должником (арендатором) на основании распоряжения министерства заключен договор аренды земельного участка со сроком действия до 09.02.2015. После окончания срока аренды арендатор продолжил пользоваться земельным участком.

Министерство уведомлением от 29.11.2018 заявило об отказе от исполнения договора аренды, в том числе в связи с просрочкой внесения арендной платы и возврате арендованного земельного участка.

Стороны предусмотрели срок действия договора аренды три года (пункт 1 статьи 610 ГК РФ). По окончании предусмотренного договором срока арендатор продолжил пользоваться земельным участком. Таким образом, договор был возобновлен на неопределенный срок (пункт 2 статьи 621 ГК РФ).

В этом случае каждая из сторон вправе отказаться от исполнения договора, предварительно уведомив другую сторону (пункт 2 статьи 610 ГК РФ). Такое право предоставлено сторонам и по условиям спорного договора (пункт 2.4).

При этом вопреки доводам конкурсного управляющего Закон о банкротстве не содержит положения о том, что открытие в отношении должника-арендатора процедуры конкурсного производства автоматически лишает арендодателя права на досрочное расторжение договора, в том числе при наличии к тому оснований, установленных иными законами.

Также несостоятелен довод конкурсного управляющего о злоупотреблении правом со стороны арендодателя, интересы которого ущемляются, в частности, длительным неисполнением контрагентом договорных обязательств, выражающимся в отказе от исполнения договора аренды.

Действительно, в процедурах банкротства сталкиваются разнонаправленные интересы. С одной стороны, интересы публичного собственника сданного в аренду имущества, наделенного правомочиями по распоряжению этим имуществом (с учетом прав и обязанностей сторон 4 договора аренды (статьи 209, 606 ГК РФ), особенностей земельных отношений), с другой - интересы рассчитывающих на максимальное пополнение конкурсной массы должника и его кредиторов.

Определяя баланс интересов, суд может признать публичного арендодателя лицом, злоупотребившим правом, и по этой причине отказать ему в защите (статья 10 ГК РФ). При этом конкурсный управляющий должником, его кредиторы, заявляя о злоупотреблении правом, должны раскрыть, в чем именно это злоупотребление заключается, а суд – соответствующие доводы проверить и установить свидетельствующие об этом обстоятельства.

[Определение ВС РФ от 09.11.2020 № 305-ЭС19-2386 \(11\)](#)

В случае исполнения третьим лицом обязательств по сделке, признанной впоследствии недействительной в рамках банкротства, надлежащей двусторонней реституцией будет

восстановление прав требования к банкроту его контрагента, а не третьего лица, совершившего оплату в порядке ст. 313 ГК РФ. Совершение оплаты по договору третьим лицом соответствует положениям закона и не лишает сторону сделки права требования возврата денежных средств, так как представивший исполнение за третье лицо не является самостоятельным участником сделки.

В рамках дела о банкротстве должника Ирченко Н.А. обратилась в суд с возражениями на отказ конкурсного управляющего банка ГК АСВ включить в третью очередь реестра требований кредиторов должника её требования в размере 14 969 390 рублей 84 копеек как последствия исполнения сделки с должником, признанной недействительной.

Судами первой и апелляционной инстанций требования заявителя признаны обоснованными и подлежащими удовлетворению за счёт имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов должника.

Постановлением суда округа отказано в удовлетворении заявления.

Между банком и Ирченко Н.А. был заключен договор цессии от 11.12.2015, в соответствии с которым банк (цедент) уступил Ирченко Н.А. (цессионарию) права требования к Кондратьеву Вадиму Львовичу по кредитному договору от 07.08.2013, а также по договорам, обеспечивающим исполнение кредитных обязательств.

За приобретаемые права Ирченко Н.А. со счета её отца Сорокина А.Л. произведена оплата в размере 14 969 390 рублей 84 копеек.

Приказом Банка России от 15.01.2016 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций.

Вступившим в законную силу определением суда договор цессии от 11.12.2015 признан недействительной сделкой на основании пункта 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве, восстановлены права банка по кредитному договору к Кондратьеву В.Л. в качестве последствий недействительности.

Ирченко Н.А. обратилась к конкурсному управляющему должником с заявлением о включении 14 969 390 рублей 84 копеек, уплаченных банку по признанному недействительным договору цессии, в реестр требований кредиторов должника.

Конкурсный управляющий должником отказал в удовлетворении заявления ввиду принадлежности денежных средств отцу Ирченко Н.А. Сорокину А.Л., с чьего банковского счёта были оплачены уступленные в пользу Ирченко Н.А. права.

Несогласие Ирченко Н.А. с позицией конкурсного управляющего должником послужило основанием для её обращения в суд с настоящими возражениями.

В соответствии с пунктом 2 статьи 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке.

Признанная недействительной уступка права требования состояла из двух встречных обязательств, где, с одной стороны, Ирченко Н.А. получила от банка право требования к Кондратьеву В.Л. по кредитному договору, а, с другой стороны, банк получил от Ирченко Н.А. денежные средства в счёт оплаты уступленного им права.

В данном случае Сорокин А.Л., перечисливший в порядке статьи 313 Гражданского кодекса Российской Федерации денежные средства за свою дочь Ирченко Н.А., не являлся самостоятельным участником оспоренной сделки.

Соглашение, лежащее в основании банковской операции по переводу денежных средств со счёта Сорокина А.Л. за Ирченко Н.А. в пользу банка в качестве оплаты сделки, а также обстоятельства оплаты третьим лицом за цессионария договора уступки права требования, не являлись предметом оспаривания конкурсным управляющим должником, не были признаны недействительными, следовательно, не лишают Ирченко Н.А. права требования оплаченных денежных средств с банка ввиду признания недействительной сделкой договора цессии, стороной по которому выступала она.

[Определение ВС РФ от 09.11.2020 № 305-ЭС19-20914\(2\)](#)

1. Санлируемая кредитная организация вправе оспаривать заключенные ею сделки и после того, как в ней прекратила действовать временная администрация и к управлению приступили собственные органы управления.

2. При оспаривании сделки в рамках дела о банкротстве неприменим запрет на непословательное поведение, лишующий такую сторону судебной защиты в случае если она

оспаривает сделку (пункт 5 статьи 166 ГК РФ), поскольку специальные основания оспаривания, предусмотренные Законом о банкротстве, направлены в том числе на защиту лиц, которые не являлись участниками спорных правоотношений (стороной сделки) и своим поведением не давали оснований другим лицам полагаться на действительность сделки.

3. Статьи 102 и 189.39 Закона о банкротстве позволяют руководителю временной администрации по управлению кредитной организацией в случае приостановления полномочий исполнительных органов кредитной организации отказаться от исполнения договоров и иных сделок кредитной организации, не исполненных сторонами полностью или частично, если такие сделки препятствуют восстановлению платежеспособности должника или если исполнение должником таких сделок повлечет за собой убытки для должника по сравнению с аналогичными сделками, заключаемыми при сравнимых обстоятельствах. Данные правовые нормы нельзя применять таким образом, чтобы должник безосновательно освобождался от уже имеющихся у него долговых обязательств, не требующих встречного исполнения. Положения пунктов 1 и 2 статьи 102 Закона о банкротстве должны быть истолкованы так, чтобы не допустить неосновательное обогащение (сбережение) должника за счет своих контрагентов.

4. Согласие поручителя отвечать за нового должника также является сделкой, подлежащей оценке на наличие признаков подозрительности. Для решения вопроса о наличии признаков подозрительности имеет значение сопоставление финансовых возможностей прежнего и последующего должников по основному обязательству, так как замена должника на очевидно менее состоятельного или вовсе несостоятельного по существу очень скоро ставила бы поручителя на место этого должника в части разницы между размером обязательства должника и тем, что получил от него кредитор. Как следствие, подобное согласие поручителя отвечать за несостоятельного должника с очевидностью указывает на заключение сделки во вред кредиторам поручителя.

В феврале-июне 2015 года по четырем кредитным соглашениям Инвестторгбанк предоставил обществу "СЛЗ" заемные денежные средства.

В связи с просрочкой платежей по кредитам по заявлению Инвестторгбанка 09.03.2016 возбуждено дело о банкротстве общества "СЛЗ", 24.01.2017 в отношении должника введено наблюдение. В реестр требований кредиторов общества "СЛЗ" включены требования Инвестторгбанка в размере 3 174 873 599,91 руб.

27.07.2017 Инвестторгбанк требования к обществу "СЛЗ" в указанной сумме уступил обществу "КМЗ", за что общество "КМЗ" обязалось уплатить Инвестторгбанку 500 000 000 руб. в течение десяти рабочих дней со дня заключения договора, а затем 500 000 000 руб. и 1 500 000 000 руб. до 27.07.2019 и до 27.07.2020 соответственно. По условиям договора цессии требования переходили к обществу "КМЗ" с момента получения Инвестторгбанком первого платежа при представлении поручительства Промсвязьбанка с определенными в договоре цессии условиями.

10.08.2017 Промсвязьбанк и Инвестторгбанк заключили договор поручительства, согласно которому Промсвязьбанк обязался отвечать перед Инвестторгбанком солидарно с обществом "КМЗ" за исполнение последним своих обязательств по оплате полученных требований к обществу "СЛЗ" на срок до 27.08.2021.

По соглашению от 08.12.2017 между Инвестторгбанком, обществом "КМЗ" и обществом "ПКФ Сиблифт", общество "КМЗ" передало свои права и обязанности из договора уступки от 27.07.2017 обществу "ПКФ Сиблифт", а общество "ПКФ Сиблифт" приняло на себя обязанность по оплате остатка задолженности Инвестторгбанку за требования, полученные на условиях договора цессии от 27.07.2017.

08.12.2017 Промсвязьбанк и Инвестторгбанк заключили договор поручительства (оспариваемая сделка): Промсвязьбанк поручился отвечать перед Инвестторгбанком солидарно с обществом "ПКФ Сиблифт" по принятым этим обществом обязательствам в соответствии с соглашением от 08.12.2017 на условиях, сходных с условиями договора поручительства от 10.08.2017.

15.12.2017 Банк России назначил в отношении Промсвязьбанка временную администрацию.

06.09.2018 исполнение функций временной администрации по управлению Промсвязьбанком прекращено в связи с формированием собственных органов управления.

Полагая, что договор поручительства от 08.12.2017 является недействительной сделкой, совершенной с предпочтением и с целью причинения вреда имущественным правам Промсвязьбанка и его кредиторов, Промсвязьбанк обратился в арбитражный суд с настоящим иском.

При повторном рассмотрении дела постановлением апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением суда округа от 22.05.2020, в удовлетворении иска отказано.

1. Вывод судов о невозможности оспаривания сделок санируемой кредитной организации после того, как в ней прекратила действовать временная администрация и к управлению приступили собственные органы управления, несостоятелен, противоречит закону и правовой позиции, изложенной в судебных актах Верховного Суда Российской Федерации (определения от 16.08.2016 № 305-ЭС16-4051, от 27.10.2017 № 305-КГ17-9802, от 08.02.2018 № 305-ЭС17-15339, от 30.07.2020 № 305-ЭС20-5547).

Суть этой правовой позиции сводится к тому, что санация как мера по предупреждению банкротства кредитной организации является частью правоотношений, связанных с несостоятельностью кредитных организаций, в силу чего она осуществляется под судебным контролем арбитражных судов. Восстановление платежеспособности санируемого банка осуществляется как за счет внешних источников финансирования, так и посредством освобождения его от обязательств, принятых на себя по недействительным сделкам, или возврата незаконно отчужденного имущества. Такие сделки могут быть оспорены в том числе и по специальным основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве. Оспаривание допускается, если меры по предупреждению банкротства с участием Банка России осуществлялись или осуществлены. Инициатором оспаривания сделки может быть и сам санируемый банк, освобожденный от всякого внешнего управления. При этом факт прекращения полномочий временной администрации банка не свидетельствует однозначно о завершении санации кредитной организации.

2. Вопреки выводам судов, запрет на непоследовательное поведение, лишаящий такую сторону судебной защиты в случае если она оспаривает сделку (пункт 5 статьи 166 ГК РФ), в данном случае неприменим, поскольку специальные основания оспаривания сделок, предусмотренные Законом о банкротстве, направлены в том числе на защиту лиц, которые не являлись участниками спорных правоотношений (стороной сделки) и своим поведением не давали оснований другим лицам полагаться на действительность сделки. Правовая позиция по данной проблеме ранее излагалась Верховным Судом Российской Федерации в определении от 08.02.2018 № 305-ЭС17-15339.

3. Статьи 102 и 189.39 Закона о банкротстве позволяют руководителю временной администрации по управлению кредитной организацией в случае приостановления полномочий исполнительных органов кредитной организации отказаться от исполнения договоров и иных сделок кредитной организации, не исполненных сторонами полностью или частично, если такие сделки препятствуют восстановлению платежеспособности должника или если исполнение должником таких сделок повлечет за собой убытки для должника по сравнению с аналогичными сделками, заключаемыми при сравнимых обстоятельствах.

Данные правовые нормы нельзя применять таким образом, чтобы должник безосновательно освобождался от уже имеющихся у него долговых обязательств, не требующих встречного исполнения. Положения пунктов 1 и 2 статьи 102 Закона о банкротстве должны быть истолкованы так, чтобы не допустить неосновательное обогащение (сбережение) должника за счет своих контрагентов. Так, в частности, должник может отказаться от исполнения договоров поставки, подряда, возмездного оказания услуг в части оплаты еще не поставленного товара, не выполненных работ, не оказанных услуг (если должник покупатель или заказчик), либо в части поставки товаров, выполнению работ, оказанию услуг (если он поставщик, подрядчик, исполнитель). Однако отказ от поручительства по мотиву его невыгодности или убыточности со ссылкой на указанные нормы явно несправедлив, противоречит как существу обязательства, так и цели правового регулирования, в силу чего не возможен.

4. Оспаривание сделок по признакам подозрительности (статья 61.2 Закона о банкротстве) направлено на защиту имущественной массы санируемой кредитной организации и потенциально позволяет Промсвязьбанку уменьшить свою долговую нагрузку.

Рассмотрев соглашение от 08.12.2017 и поручительство от 08.12.2017 во взаимосвязи с уступкой требования от 27.07.2017 и поручительством от 10.08.2017 и установив, что поручительство от 08.12.2017 оформлено взамен ранее действовавшего поручительства от 10.08.2017 на аналогичных условиях, а досрочное прекращение ранее выданного поручительства связано с переводом долга с общества "КМЗ" на общество "ПКФ Сиблифт", суды сделали вывод о направленности воли сторон спорной сделки на сохранение Промсвязьбанком ранее принятых на себя обязательств по обеспечению исполнения должником (в том числе и новым должником - обществом "ПКФ Сиблифт") обязательств перед Инвестторгбанком в изначально оговоренном договоре цессии объеме.

Подобное согласие также является сделкой, подлежащей оценке на наличие признаков подозрительности. При этом для решения вопроса о наличии признаков подозрительности имело значение

сопоставление финансовых возможностей прежнего и последующего должников по основному обязательству, так как замена должника на очевидно менее состоятельного или вовсе несостоятельного по существу очень скоро ставила бы поручителя на место этого должника в части разницы между размером обязательства должника и тем, что получил от него кредитор. К тому же поручитель терял бы возможность удовлетвориться впоследствии за счет имущества нового должника в случае несостоятельности последнего. Как следствие, подобное согласие поручителя отвечать за несостоятельного должника с очевидностью указывало бы на заключение сделки во вред кредиторам поручителя.

5. В связи с тем, что первоначально поручительство дано Промсвязбанком 10.08.2017, а его действия от 08.12.2017 квалифицированы как согласие поручителя отвечать за нового должника, нет оснований согласиться с позицией истца о том, спорная сделка направлена на обеспечение исполнения обязательства третьего лица (общества "ПКФ Сиблифт") перед отдельным (Инвестторгбанком), возникшего до совершения оспариваемой сделки. Следовательно, отказ судов в применении статьи 61.3 Закона о банкротстве правомерен.

[Определение ВС РФ от 16.11.2020 № 305-ЭС18-25276 \(5\)](#)

Объект инвестиционной деятельности не может войти в конкурсную массу банкрота – стороны по инвестиционному договору в случае, если договор заключен до 01.01.2011 г., и стороной контракта является публично-правовое образование, т.к. в соответствии с пунктом 3 статьи 3 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» рассматриваемый объект находится в долевой собственности сторон договора, а у публично-правового образования, несмотря на применение к обществу процедур банкротства, сохраняется право на получение в собственность причитающегося по условиям договора. Раздел имущества, находящегося в долевой собственности, не может быть оспорен по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве, если отсутствует такой квалифицирующий признак как оказание стороне по договору предпочтения перед другими кредиторами.

Конкурсный управляющий общества обратился в суд с заявлением о признании недействительным договора о безвозмездной передаче имущества от 22.09.2016, заключенного обществом и администрацией, о применении последствий недействительности этой сделки.

Судами апелляционной инстанции и округа спорный договор признан недействительным, применены последствия его недействительности в виде возврата в конкурсную массу общества нежилого помещения, переданного администрации по сделке.

Для реализации инвестиционного проекта по реконструкции части жилого квартала в городе Рязани администрация и общество 06.04.2005 заключили инвестиционный контракт. По условиям данного контракта общество, в том числе, обязалось в качестве компенсации за снос муниципальных помещений передать в собственность администрации помещение площадью не менее 489 кв. метров в нежилом здании административно-бытового корпуса.

С целью исполнения инвестиционного контракта Управлением государственного имущества и земельных ресурсов администрации (арендодателем) и обществом (арендатором) заключен договор аренды земельного участка. Договор аренды зарегистрирован 05.07.2005.

В связи с тем, что общество не передало администрации помещение в нежилом здании в соответствии с условиями, закрепленными в инвестиционном контракте, публичный орган обратился в суд с иском. Вступившим в законную силу решением иск администрации удовлетворен, на общество возложена обязанность передать муниципальному образованию в собственность нежилое помещение площадью 493,4 кв. метра.

На основании указанного судебного решения администрация издала постановление от 19.09.2016 о принятии нежилого помещения в муниципальную собственность, после чего (22.09.2016) общество и публичный орган подписали договор, поименованный договором о безвозмездной передаче имущества.

Решением от 15.11.2018 общество признано банкротом, в отношении него открыта процедура конкурсного производства.

Пунктом 3 статьи 3 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – Закон об инвестиционной деятельности) предусмотрено, что объект инвестиционной деятельности, строительство которого осуществляется с привлечением внебюджетных источников финансирования на земельном участке,

находящемся в государственной или муниципальной собственности, по договору, заключенному с органом государственной власти, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением либо унитарным предприятием до 01.01.2011 и предусматривающему распределение площади соответствующего объекта инвестиционной деятельности между сторонами данного договора, признается долевой собственностью сторон данного договора до момента государственной регистрации права собственности на этот объект в соответствии со статьей 24.2 Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (в настоящее время часть 2 статьи 70 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости») с учетом распределения долей, предусмотренного данным договором. Государственная регистрация права долевой собственности на эти незавершенные объекты инвестиционной деятельности не требуется.

В рассматриваемом случае инвестиционный контракт заключен до 01.01.2011. Стороной названного контракта является публично-правовое образование. Строительство осуществлялось на земельном участке, находящемся в публичной собственности. По состоянию на 01.02.2012 общество не исполнило принятое по инвестиционному контракту обязательство по передаче нежилого помещения муниципальному образованию.

С учетом изложенного, по смыслу пункта 3 статьи 3 Закона об инвестиционной деятельности, устанавливающего специальное регулирование инвестиционных отношений с участием публично-правовых образований, возведенный до возбуждения дела о банкротстве общества объект в силу закона находился в долевой собственности общества и муниципального образования, данный объект не мог войти в конкурсную массу должника, не являющегося его единоличным собственником (статья 131 Закона о банкротстве), и поэтому у публично-правового образования, несмотря на применение к обществу процедур банкротства, сохранилось право на получение в собственность причитающегося по условиям контракта.

Доказательств получения муниципальным образованием как сособственником большего по сравнению с тем, на что оно могло претендовать в соответствии с положениями инвестиционного контракта, в материалах дела не имеется. Сам инвестиционный контракт не признан недействительным как подозрительная сделка (статья 61.2 Закона о банкротстве) и не оспаривался в рамках настоящего обособленного спора.

Признав сделку по передаче помещений в собственность муниципального образования безвозмездной, суд апелляционной инстанции эти разъяснения не учел, ограничившись лишь воспроизведением наименования документа, по которому имущество передавалось в собственность муниципалитета. Тогда как компенсационный характер состоявшегося прекращения долевой собственности (в счет снесенных при исполнении контракта муниципальных помещений) прямо закреплен в инвестиционном контракте и не был опровергнут обществом.

Раздел имущества, находящегося в долевой собственности, не мог быть оспорен по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве, поскольку отсутствовал такой квалифицирующий признак как оказание администрации предпочтения перед другими кредиторами. Подозрительный характер этого раздела (статья 61.2 Закона о банкротстве), равно как и недобросовестность администрации (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации) не доказаны.

[Определение ВС РФ от 10.12.2020 № 305-ЭС19-23861\(3\)](#)

Сделки должника с банком могут быть признаны недействительными на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве в случае, если кредитная организация обладала сведениями о наличии у должника просроченных денежных обязательств перед конкурсными кредиторами, и исполнение кредитного обязательства не отличалось по срокам и размеру уплаченных или взысканных платежей от определенных в кредитном договоре (типичность платежа).

Учитывая, что любое суждение об осведомленности лица в прошлом предполагает вменение ему соответствующего факта, при определении признака осведомленности ответчика подлежат учету и те просроченные денежные обязательства, о которых ответчик должен был знать на момент принятия платежа.

В целях квалификации платежа на предмет его отнесения к обычной хозяйственной деятельности должника необходимо сопоставить оспариваемый платеж с предусмотренными договором условиями о порядке погашения кредита, а также с иными платежами, совершенными должником при исполнении данного кредитного договора ранее. Возврат кредита со значительной просрочкой по общему правилу не может быть отнесен к сделкам, совершаемым в процессе обычной хозяйственной деятельности.

Оспаривание платежей, совершенных должником после возбуждения дела о банкротстве, осуществляется по правилам абз. 5 п. 1 и п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

По смыслу названной нормы для квалификации платежа в качестве недействительной сделки суду достаточно установить оказано ли предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования принципы пропорциональности и очередности по сравнению с иными кредиторами должника.

При этом установление иных обстоятельств, в частности осведомленность лица о неплатежеспособности (недостаточности имущества) должника в момент совершения сделки, не требуется.

Вместе с тем п. 4 ст. 61.4 Закона о банкротстве установлен специальный критерий недобросовестности, который применяется при рассмотрении заявлений об оспаривании сделок, связанных с исполнением кредитных обязательств.

В соответствии с указанной нормой такие сделки могут быть признаны недействительными на основании ст. 61.3 Закона о банкротстве в случае, если кредитная организация обладала сведениями о наличии у должника просроченных денежных обязательств перед конкурсными кредиторами, и исполнение кредитного обязательства не отличалось по срокам и размеру уплаченных или взысканных платежей от определенных в кредитном договоре (типичность платежа).

Учитывая, что любое суждение об осведомленности лица в прошлом предполагает вменение ему соответствующего факта, при определении признака осведомленности ответчика подлежат учету и те просроченные денежные обязательства, о которых ответчик должен был знать на момент принятия платежа.

Разрешая вопрос об осведомленности банка в данном обособленном споре, суд округа, сославшись на разъяснения, изложенные в п. 12.2 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", согласился с выводами суда первой инстанции об отсутствии в материалах дела доказательств того, что банк знал или должен был знать о неплатежеспособности должника или о наличии у него признаков недостаточности имущества.

Вместе с тем настоящее дело о банкротстве должника возбуждено на основании определения суда от 13.03.2017, то есть дополнительное соглашение № 2 было подписано сторонами спустя полтора месяца (28.04.2017) после возбуждения дела о банкротстве, а оспариваемый платеж совершен спустя четыре с лишним месяца (26.07.2017) после названной даты.

При таких условиях, а также принимая во внимание, что сведения о возбуждении дела о банкротстве размещены в общедоступном источнике информации - Картотеке арбитражных дел, суд апелляционной инстанции пришел к правомерному выводу, что банк, действуя добросовестно и разумно, должен был знать о наличии у должника на момент принятия платежа от 26.07.2017 просроченных обязательств перед иными кредиторами.

В целях квалификации платежа на предмет его отнесения к обычной хозяйственной деятельности должника необходимо сопоставить оспариваемый платеж с предусмотренными договором условиями о порядке погашения кредита, а также с иными платежами, совершенными должником при исполнении данного кредитного договора ранее ("не отличалось по срокам и размеру уплаченных или взысканных платежей от определенных в кредитном договоре").

В данном случае суды установили, что платеж был произведен во исполнение обязательства, установленного дополнительным соглашением № 2, и представляет собой часть единой сделки по погашению просроченной задолженности по кредитному договору в размере 7 792 868,86 руб.

Вместе с тем возврат кредита со значительной просрочкой по общему правилу не может быть отнесен к сделкам, совершаемым в процессе обычной хозяйственной деятельности (абз. 4 п. 14 постановления № 63).

При таких условиях Судебная коллегия полагает, что оснований для квалификации оспариваемого платежа в качестве сделки, совершенной в процессе обычной хозяйственной деятельности, не имеется. Суд апелляционной инстанции правомерно исходил из того, что спорный платеж не является типичным для сложившихся между сторонами отношений.

[Определение ВС РФ от 10.12.2020 № 306-ЭС20-15629](#)

Действия, направленные на установление сальдо взаимных предоставлений, вытекающего из существа подрядных отношений и происходящего в силу встречного характера основных

обязательств заказчика и подрядчика, не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения - причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает сам подрядчик своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший факт сальдирования.

Судами не учтено, что в данном случае направленное ответчиком уведомление является реализацией его права на осуществление зачета взаимных денежных требований, вытекающих из единого правоотношения, с целью определения итогового обязательства одной из сторон.

Согласно разъяснениям, приведенным в п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 "О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств", обязательство прекращается полностью или частично по основаниям, предусмотренным ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором (п. 1 ст. 407 ГК РФ). Перечень оснований прекращения обязательств не является закрытым, поэтому стороны могут в своем соглашении предусмотреть не упомянутое в законе или ином правовом акте основание прекращения обязательства и прекратить как договорное, так и внедоговорное обязательство, а также определить последствия его прекращения, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства (п. 3 ст. 407 ГК РФ).

По смыслу п. 3 ст. 407 ГК РФ стороны вправе согласовать порядок прекращения их встречных требований, отличный от предусмотренного ст. 410 ГК РФ, например, установив их автоматическое прекращение, не требующее заявления одной из сторон, либо предусмотрев, что совершение зачета посредством одностороннего волеизъявления невозможно и обязательства могут быть прекращены при наличии волеизъявления всех сторон договора, то есть по соглашению между ними (ст. 411 ГК РФ) (п. 21 постановления Пленума № 6).

Пунктом 15.5.22 договора стороны согласовали, что заказчик вправе удерживать суммы неустойки (за нарушение сроков исполнения обязательств и иные нарушения) из стоимости выполненных, но не оплаченных работ, подлежащих оплате в текущем периоде, письменно известив об этом генерального подрядчика.

Стороны по обоюдному согласию избрали такой способ расчетов по оплате выполненных работ, как удержание суммы неустойки в случае просрочки их выполнения.

Однако суды первой и апелляционной инстанций, ограничившись указанием на совершение ответчиком заявления о зачете после предъявления иска, с чем суд округа обоснованно не согласился, в то же время не проанализировали условия договора об ответственности сторон и праве заказчика на удержание неустойки из стоимости выполненных работ с целью осуществления окончательного взаиморасчета сторон по договору, прекращенному надлежащим исполнением по правилам ст. 408 ГК РФ, с учетом ссылки ответчика на судебный акт, подтвердивший наличие соответствующего обязательства истца.

В определении ВС РФ от 11.03.2020 № 305-ЭС19-22240 содержится вывод о допустимости зачета требований, подтвержденных судебным актом, что не противоречит разъяснениям, содержащимся в п. 20 постановления Пленума № 6.

Суд округа, сделав вывод о невозможности проведения зачета требований ввиду возбуждения в отношении истца дела о банкротстве, не принял во внимание изложенную в определении ВС РФ от 02.09.2019 № 304-ЭС19-11744 правовую позицию, согласно которой действия, направленные на установление сальдо взаимных предоставлений, вытекающего из существа подрядных отношений и происходящего в силу встречного характера основных обязательств заказчика и подрядчика, не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам ст. 61.3 Закона о банкротстве, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения - причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает сам подрядчик своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший факт сальдирования.

Такой правовой подход был выражен также в определениях ВС РФ от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946, от 12.03.2018 № 305-ЭС17-17564, от 29.08.2019 № 305-ЭС19-10075.

[Определение ВС РФ от 17.12.2020 № 305-ЭС20-12206](#)

Конкурсное оспаривание может осуществляться в интересах только тех кредиторов, требования которых существовали к моменту совершения должником предполагаемого противоправного действия либо с большой долей вероятности могли возникнуть в обозримом будущем. При отсутствии кредиторов как таковых намерение причинить им вред у должника возникнуть не может.

В преддверии банкротства должник, осознавая наличие у него кредиторов (по требованиям как с наступившим, так и ненаступившим сроком исполнения), может предпринимать действия, направленные либо на вывод имущества, либо на принятие фиктивных долговых обязательств перед доверенными лицами в целях их последующего включения в реестр. Обозначенные действия объективно причиняют вред настоящим кредиторам, снижая вероятность погашения их требований.

В деле о банкротстве негативные последствия от такого поведения должника могут быть нивелированы посредством конкурсного оспаривания (статьи 61.2, 213.32, 189.40 Закона о банкротстве, ст.ст. 10, 168, 170 Гражданского кодекса РФ), направленного на приведение конкурсной массы в состояние, в котором она находилась до совершения должником противоправных действий, позволяющее кредиторам получить то, на что они вправе справедливо рассчитывать при разделе имущества несостоятельного лица.

Следовательно, конкурсное оспаривание может осуществляться в интересах только тех кредиторов, требования которых существовали к моменту совершения должником предполагаемого противоправного действия либо с большой долей вероятности могли возникнуть в обозримом будущем. При отсутствии кредиторов как таковых намерение причинить им вред у должника возникнуть не может. Иное поведение в такой ситуации абсурдно.

В рамках настоящего обособленного спора позиция финансового управляющего заключалась в том, что договор купли-продажи прикрывал сделку по дарению имущества в пользу Ивочкина М.Н., в то время как соглашение о его расторжении заключено с целью создания искусственной задолженности для контроля возможной процедуры банкротства должника. При этом Ивочкин М.Н. и Генералова С.Н. являются родными братом и сестрой.

Действительно, связанность с лицом, перед которым до банкротства у должника возникли обязательства, усиливает подозрения в том, что соответствующие требования могут быть фиктивными, однако не исключает и реальный характер задолженности. В таком случае, проверяя обоснованность требования либо действительность сделки, на которой оно основано, суду надлежит исследовать историю возникновения долга, а также фактическое движение имущественных благ между сторонами обязательств, во внимание может быть принято также и процессуальное поведение самого должника.

Возражая против доводов финансового управляющего, Ивочкин М.Н. на протяжении всего спора обращал внимание судов на то, что недвижимое имущество приобретено им в связи с отъездом сестры на постоянное местожительство за границу и частично оплачено в соответствии с условиями договора. Затем сестра вернулась в Россию и сторонами достигнута договоренность по встречному возврату имущества и денежных средств. Сделки исполнялись, недвижимость была передана Ивочкину М.Н. по договору, последний проживал там с семьей, затем дом возвращен по соглашению Генераловой С.Н.

Ввиду неисполнения Генераловой С.Н. принятого по условиям соглашения встречного обязательства по возврату оплаченных по договору денежных средств Ивочкин М.Н. инициировал судебное разбирательство в суде общей юрисдикции, который удовлетворил его иски требования. При рассмотрении данного дела Генералова С.Н. возражала против удовлетворения иска, затем обжаловала принятое судом решение, однако оно оставлено без изменения.

Настоящий обособленный спор инициирован финансовым управляющим, назначенным из числа членов саморегулируемой организации (ассоциация "СГАУ"), предложенной должником при обращении в арбитражный суд с заявлением о собственном банкротстве, что следует из текста решения Арбитражного суда города Москвы от 25.06.2019 по настоящему делу. При рассмотрении спора Генералова С.Н. поддерживала позицию финансового управляющего, ссылаясь на фиктивность долга перед братом, обращалась с жалобой на постановление суда апелляционной инстанции.

Вопреки выводам судов первой инстанции и округа подобное поведение сторон спора скорее свидетельствовало о наличии внутрисемейного конфликта, нежели о неблагонамеренных договоренностях аффилированных лиц. Поведение же Генераловой С.Н. явно направлено на попытку различными способами (в том числе посредством инициирования процедуры собственного банкротства) освободиться от обязательств перед братом, принятых по соглашению о расторжении договора купли-продажи, а не на размытие реестра в пользу связанного лица и в ущерб независимым кредиторам.

В то же время как следует из пояснений финансового управляющего имуществом должника, а также содержащихся в Картотеке арбитражных дел сведений, помимо Ивочкина М.Н. в реестр включены требования Ковтун Елены Игоревны в размере 1 700 000 руб. (определение суда от 17.09.2019) и Чимбиревой Дарьи Александровны в размере 2 572 722,60 руб. (определение суда от 23.07.2020). Упомянутыми судебными актами установлено, что обязательство перед Ковтун Е.С. возникло на основании соглашения от 12.09.2018, а обязательство перед Чимбиревой Д.С. - на основании договора от 14.05.2018.

Таким образом, на момент возникновения задолженности перед Ивочкиным М.Н. (21.04.2017) неудовлетворенные требования кредиторов к Генераловой С.Н. отсутствовали, в связи с чем условий для признания соглашения недействительным по заявленным основаниям не имелось. На наличие иных оснований финансовый управляющий должником не ссылаясь.

[Определение ВС РФ от 21.12.2020 № 306-ЭС19-13175\(5,6\)](#)

Избрание собранием кредиторов должника, являющегося одним из участников общества, в качестве способа увеличения уставного капитала общества дополнительный вклад другого из участников общества необходимо признать непропорциональным способом, приводящим к неминуемому изменению соотношения долей участия (увеличению номинальной стоимости доли участника, подавшего заявление о внесении дополнительного вклада, и уменьшению доли другого участника).

Такой способ увеличения уставного капитала общества для целей применения абзаца второго пункта 5 статьи 213.11 Закона о банкротстве следует квалифицировать как косвенное отчуждение части, принадлежавшей должнику доли участия в виде ее "размывания". Следовательно, для увеличения уставного капитала общества необходимо было получить предварительное письменное согласие финансового управляющего имуществом должника. При его отсутствии такое увеличение уставного капитала подлежит признанию недействительным.

Процедура увеличения уставного капитала общества с ограниченной ответственностью за счет дополнительного вклада его участника регламентирована пунктами 2 и 2.1 статьи 19 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" (далее - Закон об обществах). Эта процедура начинается с подачи участником заявления о внесении дополнительного вклада. На основании указанного заявления общее собрание участников общества может принять решение об увеличении уставного капитала. Данное решение принимается всеми участниками общества единогласно. Одновременно с упомянутым решением должны быть приняты решения о внесении изменений в устав общества, об увеличении номинальной стоимости доли участника общества, подавшего заявление о внесении дополнительного вклада, а в случае необходимости - об изменении размеров долей участников общества. Эти решения также принимаются участниками общества единогласно. Номинальная стоимость доли участника общества, подавшего заявление о внесении дополнительного вклада, увеличивается на сумму, равную или меньшую стоимости его дополнительного вклада. После принятия указанных решений участник общества должен внести дополнительный вклад. Затем орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, по заявлению единоличного исполнительного органа общества, предоставившего необходимые документы, в том числе подтверждающие внесение в полном объеме дополнительного вклада, вносит соответствующие регистрационные записи в государственный реестр.

Суд округа верно указал на то, что в силу приведенных положений статьи 19 Закона об обществах заявление участника общества о намерении внести дополнительный вклад и принятое на основании этого заявления решение общего собрания об увеличении уставного капитала являются лишь отдельными составляющими сложного юридического состава, из них возникает комплекс отношений - в частности, заключается сделка по внесению дополнительного вклада, изменяются соотношение долей участия, объем корпоративных прав участников по отношению к обществу.

Между тем, в рассматриваемом случае на разрешение суда первой инстанции было передано заявление о недействительности самого увеличения уставного капитала общества (о недействительности сделки по увеличению уставного капитала, как указал в просительной части своего заявления финансовый управляющий) и о применении последствий недействительности данного увеличения (том 1, лист дела 6). При этом у общества и Загидуллина М.Р. не возникло какой-либо неясности относительно существа спора, предъявленных к ним притязаний. Так, обжалуя решение суда первой инстанции в суды апелляционной инстанции и округа, они прямо указывали на то, что в предмет иска вошло требование о недействительности

сделки по увеличению уставного капитала, а не требование о недействительности соответствующего корпоративного решения (том 11, листы дела 4 и 136). Из содержания мотивировочной части решения суда первой инстанции и резолютивной части, относящейся к применению последствий недействительности сделки, усматривается, что суд первой инстанции, разрешая спор, не ограничивался вопросом о недействительности решения общего собрания участников об увеличении уставного капитала, исследовал комплекс правовых последствий, возникших на основании данного решения.

Судебный акт об удовлетворении иска о признании недействительным увеличения уставного капитала и применении последствий его недействительности является основанием для корректировки записей государственного реестра. Для такой корректировки не требуется отдельное решение, принятое по правилам главы 24 Арбитражного процессуального кодекса, о признании недействительными действий регистрирующего органа по внесению в государственный реестр записей об увеличении уставного капитала и перераспределении долей участия.

С учетом изложенного, у суда округа не имелось оснований для направления спора на новое рассмотрение в суд первой инстанции по мотиву избрания финансовым управляющим ненадлежащего способа защиты нарушенного права.

В силу абзаца второго пункта 5 статьи 213.11 Закона о банкротстве в ходе реструктуризации долгов гражданина он может совершать только с предварительного согласия финансового управляющего, выраженного в письменной форме, сделки по приобретению, отчуждению или в связи с возможностью отчуждения прямо либо косвенно долей в уставном капитале.

В данном случае избранный участниками общества способ увеличения его уставного капитала - за счет вклада одного из них - являлся непропорциональным способом, то есть он приводил к неминуемому изменению соотношения долей участия (увеличению номинальной стоимости доли участника, подавшего заявление о внесении дополнительного вклада, и уменьшению доли другого участника).

Такой способ увеличения уставного капитала общества для целей применения абзаца второго пункта 5 статьи 213.11 Закона о банкротстве следовало квалифицировать как косвенное отчуждение части принадлежавшей Мусину Р.Р. доли участия в виде ее "размывания". Следовательно, суды первой и апелляционной инстанций пришли к верному выводу о том, что для увеличения уставного капитала общества необходимо было получить предварительное письменное согласие финансового управляющего имуществом Мусина Р.Р.

Сделки, совершенные без необходимого в силу пункта 5 статьи 213.11 Закона о банкротстве согласия финансового управляющего могут быть признаны недействительными на основании пункта 1 статьи 173.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (пункт 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 "О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан").

При оспаривании сделки по основаниям, указанным в статье 173.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, нарушение прав и охраняемых законом интересов заключается в отсутствии согласия, предусмотренного законом, при этом не требуется доказывания наступления неблагоприятных последствий (пункт 71 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации").

Судами первой и апелляционной инстанций установлено, что финансовый управляющий имуществом Мусина Р.Р. не давал согласие на увеличение уставного капитала общества, Загидуллин М.Р. не мог не знать об отсутствии такого согласия.

При таких обстоятельствах судам следовало признать недействительным само увеличение уставного капитала общества, а не соответствующее корпоративное решение. При этом, вопреки позиции окружного суда, сравнение рыночной стоимости доли участия Мусина Р.Р. до увеличения уставного капитала и рыночной стоимости его же доли после увеличения, не имело правового значения для правильного разрешения настоящего спора.

Недействительность увеличения уставного капитала общества влечет следующие правовые последствия: уставный капитал общества восстанавливается в прежнем размере, его участники признаются обладателями долей участия в том размере, в котором доли принадлежали им до увеличения уставного капитала, на стороне общества возникает обязанность вернуть дополнительный вклад участнику, который этот вклад внес.

Правильно возвратив в прежнее состояние величину уставного капитала общества и размеры долей участия Загидуллина М.Р. и Мусина Р.Р. в обществе, суды первой и апелляционной инстанций ошибочно не разрешили вопрос о возврате дополнительного вклада Загидуллину М.Р. В этой части суду округа следовало направить спор в суд первой инстанции для рассмотрения указанного вопроса.

[Определение ВС РФ от 21.12.2020 № 305-ЭС17-9623\(7\)](#)

1. Для признания дополнительных соглашений к трудовому договору недействительными на основании статьи 61.2 Закона о банкротстве следует установить существенную неравноценность встречного исполнения со стороны работника путем сравнения спорных условий о повышении его должностного оклада с аналогичными соглашениями, заключавшимися, в том числе иными участниками оборота (пункт 8 постановления № 63). Цель причинения вреда кредиторам отсутствует в ситуации, когда заработная плата обычного работника повышена так, что она существенно не отличается от оплаты за труд по аналогичной должности, которую получают на других предприятиях, схожих с должником по роду и масштабу деятельности.

2. В ситуации, когда начисленные работнику премии фактически входят в систему оплаты труда, действия по их начислению могли быть признаны недействительными лишь при существенном несоответствии размера этих премий внесенному работником трудовому вкладу (статья 61.2 Закона о банкротстве).

1. В рамках настоящего обособленного спора требования о недействительности дополнительных соглашений к трудовому договору и действий по начислению увеличенной заработной платы, премий заявлены конкурсным управляющим на основании статьи 61.2 Закона о банкротстве.

В силу пункта 3 статьи 61.1 Закона о банкротстве под сделками (действиями), которые могут быть оспорены по правилам главы III.1 этого Закона, понимаются в том числе действия, направленные на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии трудовым законодательством.

Согласно пункту 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве недействительной может быть признана сделка (действия по исполнению обязательств), совершенная в годичный период подозрительности при неравноценном встречном исполнении обязательств, то есть сделка, по которой исполнение, предоставленное должником, в худшую для него сторону отличается от исполнения, которое обычно предоставляется при сходных обстоятельствах. При этом не требуется доказывать факты, указывающие на недобросовестность другой стороны сделки (абзац второй пункта 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" (далее - постановление № 63)).

Квалифицирующими признаками подозрительной сделки, указанной в пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, являются ее направленность на причинение вреда имущественным правам кредиторов, осведомленность другой стороны сделки об указанной противоправной цели, фактическое причинение вреда в результате совершения сделки.

Наличие в законодательстве о банкротстве приведенных специальных правил об оспаривании сделок (действий) не означает, что само по себе ухудшение финансового состояния работодателя, его объективное банкротство ограничивают права обычных работников на получение всего комплекса гарантий, установленных Трудовым кодексом Российской Федерации (далее - Трудовой кодекс).

Одной из таких государственных гарантий является гарантия индексации оплаты за труд, направленная на обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы, ее покупательной способности (статьи 2, 130 и 134 Трудового кодекса). Данная гарантия действует не только в отношении работников государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, но и в отношении иных работников, заключивших трудовые договоры с работодателями, осуществляющими предпринимательскую и иную экономическую деятельность (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17.06.2010 № 913-О-О, от 29.05.2019 № 1269-О и др.).

Другой гарантией является компенсация за выполнение дополнительной работы в виде денежной доплаты (статья 151 Трудового кодекса).

В ходе рассмотрения настоящего дела конкурсный управляющий комбинатом не оспаривал факт исполнения Матюниным С.Б. трудовой функции, не ссылаясь на его аффилированность по отношению к

должнику либо лицам, контролирующим последнего. Из материалов дела не усматривается, что Матюнин С.Б. занимал должность, относящуюся к числу руководящих.

Возражая по требованию управляющего, Матюнин С.Б. обращал внимание судов на то, что периодическое повышение его должностного оклада было направлено не на причинение вреда кредиторам комбината, а на компенсацию инфляции (статьи 130 и 134 Трудового кодекса) и предоставление доплаты ввиду увеличения объема работы (статья 151 Трудового кодекса). Матюнин С.Б., в частности, указывал на то, что с 2015 года работники комбината стали постепенно увольняться, число сотрудников юридического департамента все время сокращалось (2015 год - 8 человек, 2016 год - 7 человек, 2017 год - 5 человек, 2018 год - 4 человека), их работа перераспределялась между оставшимися юрисконсультами.

В нарушение положений статей 71, 184 и 185 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации суды уклонились от оценки приведенных возражений Матюнина С.Б., тогда как они имели существенное значение для правильного разрешения спора. Суды не учли, что увеличение причитающихся работнику выплат, осуществленное работодателем в преддверии банкротства и в процедурах несостоятельности в пределах индексации заработной платы, предоставления компенсации за выполнение дополнительной работы, не могло быть квалифицировано как недействительная подозрительная сделка.

Более того, для признания дополнительных соглашений к трудовому договору недействительными на основании статьи 61.2 Закона о банкротстве следовало, по меньшей мере, установить существенную неравноценность встречного исполнения со стороны работника путем сравнения спорных условий о повышении его должностного оклада с аналогичными соглашениями, заключавшимися, в том числе иными участниками оборота (пункт 8 постановления № 63). Цель причинения вреда кредиторам отсутствует в ситуации, когда заработная плата обычного работника повышена так, что она существенно не отличается от оплаты за труд по аналогичной должности, которую получают на других предприятиях, схожих с должником по роду и масштабу деятельности.

В рассматриваемом случае, разрешая обособленный спор, суды не проверили доводы Матюнина С.Б. о том, что его повышенная заработная плата в целом соответствовала вознаграждению, которое выплачивали юрисконсультам иные работодатели, осуществляющие деятельность в том же регионе и на том же рынке.

2. В соответствии со статьей 129 Трудового кодекса в состав заработной платы включаются премии. При этом работнику могут быть установлены два вида премий - премии постоянного и разового характера. Первые входят в систему оплаты труда, начисляются регулярно за выполнение заранее утвержденных показателей, у работника возникает право требовать их выплаты при условии выполнения указанных показателей (статья 135 Трудового кодекса). Вторые не являются гарантированным доходом работника, выступают дополнительной мерой его материального стимулирования, поощрения, применяемой по усмотрению работодателя (статья 191 Трудового кодекса).

В материалы настоящего дела конкурсным управляющим представлены расчетные листки и документ, поименованный сводом начислений и удержаний. Из этих документов усматривается, что премии начислялись Матюнину С.Б. ежемесячно с сентября 2014 года (после истечения испытательного срока) до февраля 2017 года. Размер премий был существенно ниже должностного оклада Матюнина С.Б. Также в материалах дела имеется штатное расписание по состоянию на 01.10.2015, согласно которому фонд оплаты труда комбинат рассчитывал исходя из должностных окладов работников и их ежемесячных премий.

Признав недействительными действия по начислению премий Матюнину С.Б., совершенные с июня 2016 года, суды не выяснили, являются ли спорные премии составной частью его ежемесячной оплаты труда, подлежащей обязательной выплате в качестве заработной платы. В ситуации, когда начисленные Матюнину С.Б. премии фактически входили в систему оплаты труда, действия по их начислению могли быть признаны недействительными лишь при существенном несоответствии размера этих премий внесенному работником трудовому вкладу (статья 61.2 Закона о банкротстве).

[Определение ВС РФ от 24.12.2020 № 306-ЭС20-14567](#)

Правила о распоряжении задатком устанавливают, что если за неисполнение договора ответственной сторона, давшая задаток, он остается у другой стороны (пункт 2 статьи 381 ГК РФ). Никаких иных обязанностей исправной стороны (в том числе по передаче какого-либо встречного предоставления) ни законом, ни договором не установлено. Не подлежит признанию недействительной сделка, в рамках которой лицо, впоследствии признанное банкротом,

предоставило задаток, однако не исполнила свои обязательства перед кредитором полностью, потому как в оставлении за собой задатка в отсутствие встречного предоставления отсутствуют признаки неравноценности.

Товарно-денежные отношения, регулируемые гражданским правом, основываются, как правило, на равноценности обмениваемых благ, поэтому определяющими признаками этих отношений являются возмездность и эквивалентность встречного предоставления, тем более, если речь идет о предпринимательских правоотношениях. Нарушение принципов возмездности и эквивалентности при совершении большинства сделок дестабилизирует гражданский оборот и может повлечь неспособность лица удовлетворить требования его кредиторов.

Для восстановления прав последних Закон о банкротстве предусмотрел возможность оспаривания подобных сделок, установив в пункте 1 статьи 61.2 признаки недействительности неравноценной сделки. На неравноценность в частности может указывать существенное отличие в худшую для должника сторону цены этой сделки или иных ее условий по сравнению с аналогичными сделками, совершенными на рыночных условиях.

Следуя указанной правовой норме, а также пункту 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", суды в данном обособленном споре должны были оценить сделку по уступке требования на предмет равноценности встречного исполнения обязательств банком. Для этого судам следовало сопоставить договорную цену уступаемого требования с его рыночной стоимостью, определенной с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств. Существенное и обоснованное отклонение договорной цены от рыночной может указывать на неравноценность встречного исполнения и, как следствие, на недействительность сделки.

В опровержение доводов о неравноценности сделки банк представил в суд мотивированный подробный отчет об оценке рыночной стоимости права требования к обществу "Сити Тойс", согласно которому по состоянию на 19.01.2018 номинальная стоимость задолженности составляла 2 291 129 803 руб., а рыночная - 823 199 000 руб. Данный отчет не признан судами недопустимым или недостоверным доказательством, не опровергнут по существу, однако и не положен в основу судебного решения даже при том, что в противовес этому доказательству в суд не представлено ни иных доказательств, ни убедительных аргументов, а оценочная цена близка к договорной (828 594 975,23 руб.). Такой подход явно противоречит принципу состязательности сторон, правилам доказывания и правовым нормам, регулирующим принятие судебных решений и изложение судебных актов (статьи 9, 65, 71, 168 - 170, 271 АПК РФ).

Неравноценность сделки суды усмотрели не в цене цессии, а в отсутствие какого-либо встречного предоставления со стороны банка взамен полученных им 150 млн. руб.: банк не передал обществу "Торглайт" ни требования к обществу "Сити Тойс", ни иные материальные блага. К этому же сводилась позиция лиц, оспаривающих сделку.

Однако, денежные средства банк получил не в качестве аванса (предварительной оплаты), действительно требующего встречного предоставления либо возврата в случае неисполнения обязательств (пункт 3 статьи 487 ГК РФ, статья 1102 ГК РФ), а в качестве задатка, представляющего собой в том числе и обеспечение исполнения договора (пункт 1 статьи 380 ГК РФ). Правила о распоряжении задатком устанавливают, что если за неисполнение договора ответственна сторона, давшая задаток, он остается у другой стороны (пункт 2 статьи 381 ГК РФ). Никаких иных обязанностей исправной стороны (в том числе по передаче какого-либо встречного предоставления) ни законом, ни договором не установлено. Необходимым и достаточным условием для оставления банком задатка за собой являлось неисполнение обществом "Торглайт" своих обязательств по договору, что и было установлено судами как в данном деле, так и в деле № А40-237437/2018.

Следует заметить, что перечисление 150-ти миллионов рублей в качестве задатка в суде никем не оспаривалось, а условия договора цессии позволяют прийти к однозначному выводу, что стороны договорились именно о задатке.

Таким образом, вывод судов о том, что в оставлении банком за собой задатка без какого-либо встречного предоставления имеется признак неравноценности, несостоятелен.

Соглашение о задатке могло быть оценено на равноценность (эквивалентность) при его сравнении с подобными сделками либо при соотнесении с принципами разумности и баланса интересов сторон. Доводы и доказательства о том, что, например, в сравнимых аналогичных обстоятельствах размер задатка как правило

существенно меньше и т.п., обязаны представить в суд лица, оспаривающие сделку. В противовес этому банк должен был указать на особенности оспариваемой сделки, обосновывающие согласованную сторонами сумму задатка.

Недействительность уступки требования по основаниям, указанным в пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, требует от заинтересованных в оспаривании сделки лиц доказывания дополнительных признаков (в том числе осведомленность банка о намерении причинить вред кредиторам общества "Торглайт"), чего не было сделано ими в суде. По крайней мере, эти обстоятельства не изложены в судебных актах.

Ссылка на противодействие со стороны банка исполнению обществом "Торглайт" своих обязательств по договору цессии не принимается судебной коллегией, поскольку эти обстоятельства компетентными судами также не устанавливались, а правила кассационного судопроизводства не наделяют суд такими полномочиями.

[Определение ВС РФ от 28.12.2020 № 308-ЭС18-14832 \(3,4\)](#)

При отчуждении имущества должника в преддверии его банкротства и последующем оформлении передачи права собственности на данное имущество от первого приобретателя к иным лицам по цепочке сделок возможна ситуация, когда создается лишь видимость широкого вовлечения имущества должника в гражданский оборот, иллюзия последовательного перехода права собственности на него от одного собственника другому (оформляются притворные сделки), а в действительности совершается одна единственная (прикрываемая) сделка - сделка по выводу активов во избежание обращения взыскания со стороны кредиторов. Имущество после отчуждения его должником все время находится под контролем бенефициара данной сделки, он принимает решения относительно данного имущества.

Таким образом, цепочкой последовательных притворных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может прикрываться одна сделка, направленная на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара или связанного с ним лица. Такая цепочка прикрываемых притворных сделок является недействительной на основании пункта 2 статьи 170 ГК РФ, а прикрываемая сделка может быть признана недействительной как подозрительная на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Следовательно, существенное значение для правильного рассмотрения обособленного спора, имеют обстоятельства, касающиеся установления наличия (отсутствия) факта притворности последовательных сделок купли-продажи, реальности передачи фактического контроля над объектами недвижимости конечному покупателю, для чего необходимо определить намерение сторон: соответствовала ли их воля волеизъявлению, выраженному во вне посредством оформления документов, формально свидетельствующих о совершении не одной, а нескольких сделок.

При отчуждении имущества должника в преддверии его банкротства и последующем оформлении передачи права собственности на данное имущество от первого приобретателя к иным лицам по цепочке сделок возможна ситуация, когда создается лишь видимость широкого вовлечения имущества должника в гражданский оборот, иллюзия последовательного перехода права собственности на него от одного собственника другому (оформляются притворные сделки), а в действительности совершается одна единственная (прикрываемая) сделка - сделка по выводу активов во избежание обращения взыскания со стороны кредиторов. Имущество после отчуждения его должником все время находится под контролем бенефициара данной сделки, он принимает решения относительно данного имущества.

Таким образом, цепочкой последовательных притворных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может прикрываться одна сделка, направленная на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара или связанного с ним лица. Такая цепочка прикрываемых притворных сделок является недействительной на основании п. 2 ст. 170 ГК РФ, а прикрываемая сделка может быть признана недействительной как подозрительная на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Следовательно, существенное значение для правильного рассмотрения настоящего обособленного спора, исходя из заявленных оснований оспаривания, имели обстоятельства, касающиеся установления наличия (отсутствия) факта притворности последовательных сделок купли-продажи, реальности передачи фактического контроля над объектами недвижимости конечному покупателю, для чего необходимо

определить намерение сторон: соответствовала ли их воля волеизъявлению, выраженному во вне посредством оформления документов, формально свидетельствующих о совершении не одной, а нескольких сделок.

Россельхозбанк и уполномоченный орган, поддерживая требования конкурсного управляющего должником о признании сделок недействительными, указывали на то, что в результате совершения оспариваемых сделок контроль над объектами недвижимости продолжают осуществлять те же лица, конечный бенефициар не изменился.

В обоснование своих доводов заявители и конкурсный управляющий ссылались на поведение участников рассматриваемых правоотношений (Теплякова А.Ю. и Горлова Романа Валерьевича – единственного участника должника), их фактическую заинтересованность и общность экономических интересов, обстоятельства, при которых оспариваемые сделки были совершены и которые им предшествовали.

На фактическую заинтересованность Теплякова А.Ю. и Горлова Р.В. указывали не только обстоятельства совместного учредительства в ряде юридических лиц, но и заключение между собой сделок и их фактическое исполнение на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка.

Остался без судебной проверки довод Россельхозбанка о том, что исполнение обязательств по кредитным договорам с Мидбанком было обеспечено залогом иного недвижимого имущества, принадлежащего Теплякову А.Ю., исключение обращения взыскания на которое и явилось основанием для заключения Тепляковым А.Ю. и должником договора перевода долга и изменения порядка оплаты оспариваемого договора купли-продажи. Экономическая выгода от совершения данных сделок получена не должником, а Тепляковым А.Ю. Погасив в преимущественном порядке обязательства перед Мидбанком с привлечением денежных средств заинтересованного лица неплатёжеспособный должник, с одной стороны, создал видимость совершения сделки на рыночных условиях, блокирующей пороки подозрительности, а, с другой стороны, в преддверии собственного банкротства окончательно стал отвечать признакам недостаточности имущества, передав свой единственный актив члену той же группы, которая его контролировала ранее, сделав невозможным погашение требований прочих кредиторов. Заявители указывают, что подобная слаженность действий свидетельствует о наличии доверительных отношений между участниками сделок, недоступных обычным (независимым) участникам рынка.

[Определение ВС РФ от 29.12.2020 № 305-ЭС19-1552 \(4\)](#)

По смыслу абзаца пятого пункта 1 и пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве для квалификации зачета встречных требований на предмет действительности суду необходимо установить два ключевых обстоятельства: оказано ли предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования принципы пропорциональности и очередности по сравнению с иными кредиторами должника; должно ли названное лицо было знать о неплатежеспособности (недостаточности имущества должника) в указанный момент, то есть, знало ли оно о нарушении по отношению к нему названных принципов. При отсутствии одного из названных обстоятельств заявленные требования не подлежат удовлетворению.

В ситуации, когда документ, поименованный как соглашение либо заявление о зачете, носит сверочный характер и не является сделкой, необходимо исходить из того, что прекращение упомянутых в данном документе встречных обязательств произошло ранее и стороны лишь зафиксировали состоявшийся прежде юридический факт.

Оспаривание сделок, направленных на прекращение обязательства (например, по зачету встречных требований) и совершенных должником в пределах шести месяцев до возбуждения дела о банкротстве, осуществляется по правилам абз. 5 п. 1 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

По смыслу названной нормы для квалификации совершенного зачета на предмет действительности суду необходимо установить два ключевых обстоятельства:

- оказано ли предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования принципы пропорциональности и очередности по сравнению с иными кредиторами должника;
- должно ли названное лицо было знать о неплатежеспособности (недостаточности имущества должника) в указанный момент, то есть, знало ли оно о нарушении по отношению к нему названных принципов.

При отсутствии одного из названных обстоятельств заявленные требования не подлежат удовлетворению.

В отношении первого обстоятельства стороны не отрицали, что к моменту совершения оспариваемого зачета от 30.10.2015 существовали требования, по крайней мере, двух кредиторов (банка и общества «Тэпжениринг»), которые не удовлетворены вплоть до настоящего момента и включены в реестр требований кредиторов. Таким образом, спорная сделка совершена с предпочтением по отношению к иным кредиторам.

В отношении осведомленности ответчика суд округа указал, что имела место фактическая аффилированность с должником, которая презюмирует наличие сведений о неплатежеспособности. Вместе с тем, даже независимо от разрешения вопроса о наличии либо отсутствии признаков аффилированности, у судов имелись основания сделать выводы об информированности ответчика о прекращении исполнения должником части денежных обязательств и в связи с иными обстоятельствами. Так, исходя из особенностей структуры подрядных отношений, участником которых стало общество, и обстоятельств, установленных судами, общество должно было понять, что у должника имеются определенные финансовые трудности и сложности со строительством:

- на момент передачи обществу прав и обязанностей подрядчика со стороны заказчика (должника) была допущена просрочка (около полутора лет) в передаче рабочей документации, без которой невозможно приступить к подрядным работам;

- замена прежнего подрядчика на общество состоялась 02.12.2014, в то время как по условиям договора подряда к 01.12.2014 должны были быть построены 2-4 пусковые комплексы электростанции, при том, что строительство станции являлось единственным предметом деятельности должника, в силу чего он мог рассчитывать на получение дохода в будущем только в случае окончания строительства;

- в дальнейшем (после замены подрядчика) рабочая документация так и не была передана обществу, что послужило основанием для направления обществом в адрес должника заявления от 25.09.2015 об одностороннем отказе от исполнения договора подряда.

Кроме того, банк и конкурсный управляющий на всем протяжении рассмотрения дела ссылались на то, что 19.10.2015 (до совершения оспариваемой сделки от 30.10.2015) банком на сайте ЕФРСБ было опубликовано уведомление о намерении обратиться в суд с заявлением о банкротстве должника.

Таким образом, совокупности названных фактов было достаточно для того, чтобы сделать вывод об осведомленности ответчика о наличии у должника по состоянию на 30.10.2015 признаков неплатежеспособности, в силу чего вывод суда округа, квалифицировавшего совершенный зачет в качестве недействительного по правилам абз. 5 п. 1 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, является верным.

При этом не может быть принято сделанное со ссылкой на определение ВС РФ от 28.10.2019 № 305-ЭС19-10064 возражение общества о том, что заявление о зачете фактически констатировало объем осуществленного обеими сторонами исполнения, внося определенность в состояние расчетов между ними.

В ситуации, когда документ, поименованный как соглашение либо заявление о зачете, носит сверочный характер и не является сделкой, необходимо исходить из того, что прекращение упомянутых в данном документе встречных обязательств произошло ранее и стороны лишь зафиксировали состоявшийся прежде юридический факт. В данном же случае представители общества в судебном заседании подтвердили, что, вступая в подрядные отношения, общество имело намерение осуществлять работы по строительству электростанции, в силу чего переданная ему прежним подрядчиком сумма неотработанного аванса подлежала направлению на цели строительства и не могла рассматриваться как предназначенная для погашения заемных обязательств должника перед обществом в декабре 2014 года.

Соответственно, до расторжения договора подряда у должника не имелось и встречного денежного требования к обществу о возврате неотработанного аванса, которое могло бы быть зачтено против требования, вытекающего из договоров займа.

При этом спорный зачет не может рассматриваться и как совершенный в иную дату по признаку совпадения встречных требований общества и должника ранее дня заявления о зачете, поскольку исходя из содержания уведомления общества об отказе от договора подряда от 25.09.2015 расторжение договора осуществлялось с 30.10.2015, то есть в тот день, когда обществом было направлено заявление о зачете.

Субсидиарная ответственность

[Определение ВС РФ от 10.12.2020 № 305-ЭС20-11412](#)

При рассмотрении заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности ошибочно отождествлять неплатежеспособность должника с неоплатой конкретного долга отдельному кредитору. Данное обстоятельство само по себе не свидетельствует об объективном банкротстве (критическом моменте, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей), в связи с чем не может рассматриваться как безусловное доказательство, подтверждающее необходимость обращения руководителя в суд с заявлением о банкротстве.

По смыслу п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве (в редакции, действовавшей в спорный период) и разъяснений, данных в п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих лиц к ответственности при банкротстве", при исследовании совокупности обстоятельств, входящих в предмет доказывания по спорам о привлечении руководителей к ответственности, предусмотренной названной нормой, следует учитывать, что обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики, учитывая масштаб деятельности должника, должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве.

Таким образом, для целей разрешения вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности по упомянутым основаниям установление момента подачи заявления о банкротстве должника приобретает существенное значение, учитывая, что момент возникновения такой обязанности в каждом конкретном случае определяется моментом осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов.

Устанавливая момент, с которым Закон о банкротстве связывает обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением о банкротстве должника, суды первой и апелляционной инстанций ограничились лишь оценкой сведений, содержащихся в представленном в материалы дела реестре требований кредиторов должника. Согласно данным сведениям у должника имеются неисполненные обязательства по договору субподряда, подтвержденные вступившим в законную силу судебным актом. Учитывая обстоятельства данного дела, суды сочли, что признаки неплатежеспособности возникли у должника по истечении предусмотренного упомянутым договором гарантийного срока после подписания актов о приемке выполненных работ.

Согласно абз. 34 ст. 2 Закона о банкротстве для целей данного Закона под неплатежеспособностью понимается прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств.

В рассматриваемом случае суды ошибочно отождествили неплатежеспособность с неоплатой конкретного долга отдельному кредитору. Данное обстоятельство само по себе не свидетельствует об объективном банкротстве (критическом моменте, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей), в связи с чем не может рассматриваться как безусловное доказательство, подтверждающее необходимость обращения руководителя в суд с заявлением о банкротстве.

В то же время установление момента возникновения обязанности по обращению в суд с таким заявлением напрямую связано с определением размера субсидиарной ответственности руководителя, которая по общему правилу ограничивается объемом обязательств перед кредиторами, возникших после истечения месячного срока, предусмотренного п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве.

В своих возражениях Трошанов Д.С. в том числе ссылался на то, что в спорный период общество осуществляло нормальную хозяйственную деятельность, о чем свидетельствует имеющаяся в материалах дела бухгалтерская отчетность. Признаки неплатежеспособности появились только в 2015 году в связи с отказом крупных заказчиков от исполнения договоров и оплаты оказанных услуг. В период 2012 - 2014 годов общество производило расчеты с поставщиками и подрядчиками в размере, многократно превышающем упомянутую задолженность перед обществом "СМР-Система", которая образовалась в результате наличия спора о качестве выполненных по договору субподряда работ, а не в связи с недостаточностью денежных средств.

[Определение ВС РФ от 28.12.2020 № 309-ЭС20-10487](#)

Конкурные кредиторы имеют право на получение мораторных процентов, не взысканных в составе субсидиарной ответственности за счет контролирующего лица, если конкурсная масса должника позволяет осуществить такую выплату, то есть установлена достаточность имущества самого должника, а не привлеченного к ответственности контролирующего лица, в то время как вывод суда округа о выплате таких мораторных процентов до погашения зарегистрированных требований является ошибочным.

Оплата мораторных процентов производится после полного погашения требований кредиторов должника, включённых в реестр требований кредиторов и после погашения требований кредиторов, чьи требования учтены за реестром, в том числе после погашения в полном объёме требований в части суммы неустоек, пеней, штрафов и иных санкций.

Как верно отметили суды первой и апелляционной инстанций, субсидиарная ответственность по обязательствам должника является формой ответственности контролирующего должника лица за доведение до банкротства, вред в таком случае причиняется кредиторам в результате деликта контролирующего лица – неправомерного вмешательства в деятельность должника, вследствие которого должник теряет способность исполнять свои обязательства.

Размер субсидиарной ответственности контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица определен в п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве (п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве в предыдущей редакции) и равен совокупному размеру требований кредиторов, включённых в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся непогашенными по причине недостаточности имущества должника. Таким образом, в размер субсидиарной ответственности включается размер непогашенных требований кредиторов, что и является предполагаемым объемом вреда, который причинён контролирующим должника лицом.

В рассматриваемом случае вступившим в законную силу судебным актом размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица установлен без учета задолженности по мораторным либо иным процентам.

Следовательно, состав требований, подлежащих включению в размер этой ответственности, не может быть пересмотрен при рассмотрении настоящего обособленного спора, в связи с чем вопрос о включении в размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица процентов, штрафов, пеней, начисленных на сумму основного долга за период после введения первой процедуры банкротства, необходимость (возможность) взыскания которых прямо не установлена в вышеуказанных нормах права, не является предметом настоящего рассмотрения.

После удовлетворения иска о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности ст. 61.17 Закона о банкротстве кредиторам предоставлено полномочие выбрать способ распоряжения требованием к контролирующему лицу.

Указанная норма закона, устанавливающая механизм распоряжения кредиторами правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности, имеет процессуальный характер и подлежит применению с момента вступления в силу независимо от применения редакции нормы Закона о банкротстве, устанавливающей материальные основания для привлечения к субсидиарной ответственности (ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и абз. 3 п. 2 информационного письма Президиума ВАС РФ от 27.04.2010 № 137 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Согласно п. 2 ст. 61.17 Закона о банкротстве кредитор, в интересах которого лицо привлекается к субсидиарной ответственности, вправе направить арбитражному управляющему заявление о выборе одного из следующих способов распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности: взыскание задолженности по этому требованию в рамках процедуры, применяемой в деле о банкротстве; продажа этого требования по правилам Закона о банкротстве; уступка кредитору части этого требования в размере требования кредитора.

В соответствии с п. 4 ст. 61.17 Закона о банкротстве, на основании отчета арбитражного управляющего, предусмотренного п. 3 ст. 61.17 Закона о банкротстве, арбитражный суд после истечения срока на подачу апелляционной жалобы или принятия судом апелляционной инстанции соответствующего

судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности производит замену взыскателя в части соответствующей суммы на кредиторов, выбравших способ, предусмотренный подп. 3 п. 2 ст. 61.17 Закона о банкротстве, и выдает на имя каждого такого кредитора как взыскателя исполнительный лист с указанием размера и очередности погашения его требования в соответствии со ст. 134 Закона о банкротстве.

Применительно к рассматриваемой ситуации, при подходе, занятом судом округа и исходящем из сохранения общей очередности удовлетворения требований кредиторов должника за счёт средств, поступивших от взыскания субсидиарной ответственности, объем причитающегося кредитору, заявившему требования после закрытия реестра, будет различаться в зависимости от способа (процедуры) взыскания. Так, такой кредитор, избравший способ распоряжения принадлежащим ему правом требования в виде уступки, предусмотренной подп. 3 п. 2 ст. 61.17 Закона о банкротстве, получит фактическое удовлетворение. И наоборот, тот же кредитор, доверивший получение исполнения по своему требованию конкурсному управляющему должником – профессиональному антикризисному менеджеру – может остаться без его удовлетворения, несмотря на то, что оно вошло в состав субсидиарной ответственности и признано судом законным и обоснованным.

По убеждению судебной коллегии, выбор кредитором того или иного способа распоряжения своим правом, что относится к реализации процессуальных полномочий, не должен влиять на размер его удовлетворения и не может являться основанием для удовлетворения требований одних кредиторов за счет других.

Таким образом, судебная коллегия соглашается с выводом суда апелляционной инстанции о том, что конкурные кредиторы имеют право на получение мораторных процентов, не взысканных в составе субсидиарной ответственности за счет контролирующего лица, если конкурсная масса должника позволяет осуществить такую выплату, то есть установлена достаточность имущества самого должника, а не привлеченного к ответственности контролирующего лица, в то время как вывод суда округа о выплате таких мораторных процентов до погашения зарегистрированных требований является ошибочным.

Прочие вопросы

[Определение ВС РФ от 24.12.2020 № 305-ЭС20-14025](#)

При замещении активов должника путем создания на базе его имущества некоего общества и внесения в уставный капитал вновь создаваемого общества здания, часть помещений которого находятся в аренде у третьего лица страховой депозит (обеспечительный платеж) переходит к новому арендодателю вместе с правом собственности на вещь; соответственно, переходит и обязанность по его возврату в случае прекращения арендных отношений, если собранием/комитетом кредиторов не оговорено иное.

В силу пункта 1 статьи 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

Таким образом, лицо, к которому перешло право собственности на арендуемое имущество, вне зависимости от волеизъявления арендатора в силу закона приобретает права и обязанности арендодателя, прежний собственник этого имущества выбывает из правоотношений по его аренде, независимо от того, внесены изменения в договор аренды или нет, а соответствующий договор продолжает регулировать отношения между новым арендодателем и арендатором. Следовательно, к новому арендодателю переходят не отдельные права выбывшего лица, а правовая позиция по договору в целом, то есть вся совокупность его прав и обязанностей, имеющаяся в наличии на момент перехода права собственности.

В статье 115 Закона о банкротстве, регламентирующей порядок и последствия замещения активов должника, указано, что замещение активов должника проводится путем создания на базе имущества должника одного открытого акционерного общества или нескольких открытых акционерных обществ, учредителем которых может быть только должник. В случае создания одного открытого акционерного общества в его уставный капитал вносится все имущество (в том числе имущественные права), входящее в состав предприятия и предназначенное для осуществления предпринимательской деятельности.

По смыслу данной нормы к вновь созданному обществу переходят все имущество, имущественные права и корреспондирующие им обязанности должника.

В отношении договорной позиции арендодателя это означает следующее: пока не доказано иное, предполагается, что страховой депозит (обеспечительный платеж) переходит к новому арендодателю вместе с правом собственности на вещь; соответственно, переходит и обязанность по его возврату в случае прекращения арендных отношений. Общество "Тауэр" не представило доказательств того, что решением комитета кредиторов должника - общества "Нордстар Тауэр" о замещении активов должника был по-иному оговорен вопрос, касающийся перехода страховых депозитов, полученных обществом "Нордстар Тауэр" до процедуры банкротства по договорам аренды от арендаторов помещений в здании, передаваемом в уставный капитал создаваемого акционерного общества. Следовательно, все права и обязанности, связанные с обладанием на праве собственности спорным зданием, в том числе касающиеся действовавших на тот момент договоров аренды и внесенных в рамках соответствующих отношений страховых депозитов, перешли к новому обществу.

Следует отметить, что арендатор был не вправе заявить прежнему арендодателю требование о возврате страхового депозита, поскольку условия реализации этого права согласно договору аренды наступают после прекращения договора.

С момента регистрации права собственности общества "Тауэр" на здание, ряд помещений в котором находились в аренде у Банка на основании договора от 15.07.2010, заключенного с прежним собственником, к ответчику перешли все права и обязанности арендодателя по данному договору, в том числе право зачесть обеспеченные страховым депозитом требования к арендатору, предусмотренные договором аренды, и обязательство по возврату страхового депозита по окончании согласованного сторонами в договоре срока его удержания.

Общество "Тауэр", став собственником указанного здания, в качестве арендодателя 21.08.2018 заключило с истцом соглашение о прекращении договора аренды в связи с истечением установленного в нем срока. На основании данного соглашения, которое, как указано в его пункте 6, является неотъемлемой частью договора аренды от 15.07.2010, зарегистрировано прекращение этого договора.

Таким образом, поскольку по условиям спорного договора право требовать возврата страхового депозита у арендатора может быть реализовано только после прекращения договора (пункт 13.13), переход прав и обязанностей арендодателя по договору аренды любому третьему лицу не влечет за собой обязанности арендодателя произвести возврат страхового депозита (пункт 6.8) и на момент прекращения договора в связи со сменой собственника арендованного Банком имущества прежний арендодатель в силу закона перестал быть стороной по договору, обязанность по возврату истцу страхового депозита перешла к ответчику как к стороне договора.

С учетом приведенных обстоятельств и норм права неверны выводы судов, послужившие основанием для отказа в иске, о том, что первоначальный арендодатель не передал полученные в качестве депозита денежные средства созданному в процедуре его банкротства в порядке замещения активов обществу "Тауэр" и у последнего отсутствует обязанность по возврату арендатору суммы депозита после прекращения договора аренды.

[Определение ВС РФ от 24.12.2020 № 307-ЭС20-11311](#)

Если совместные противоправные действия двух аффилированных по отношению друг к другу банкротов по заключению договора купли-продажи привели к тому, что при неизменности лица, пользующегося объектом энергоснабжения, договор энергоснабжения был заключен гарантирующим поставщиком с фиктивным собственником, являющимся неплатежеспособным и впоследствии утратившим право на недвижимое имущество – подобные противоправные действия не могут освободить лицо, которое является действительным собственником и пользуется объектом энергоснабжения, от обязанности оплатить услуги гарантирующего поставщика, как если бы мнимая сделка не совершалась. Такие ответчики должны отвечать перед гарантирующим поставщиком солидарно применительно к положениям статей 322, 323, 1080 ГК РФ.

Компания (гарантирующий поставщик) обратилась в арбитражный суд с иском к обществу «Сервис Лайн» и обществу «Норд-Текник» о взыскании 180 097 руб. 19 коп. задолженности за поставленную в марте и апреле 2019 года электроэнергию, 11 072 руб. 90 коп. неустойки.

Судами трех инстанций иск удовлетворен полностью в отношении общества «Сервис Лайн». В удовлетворении требований к обществу «Норд-Техник» отказано.

Гарантирующим поставщиком и обществом «Сервис Лайн» (потребителем) заключен договор энергоснабжения от 30.10.2018.

В марте и апреле 2019 года гарантирующий поставщик поставил на объект потребителя электрическую энергию на сумму 180 097 руб. 19 коп. Общество «Сервис Лайн» оплату электрической энергии в установленные сроки не произвело, что послужило основанием для обращения компании в арбитражный суд с настоящим иском.

Решением от 22.02.2019 общество «Норд-Техник» признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство.

Вступившим в законную силу определением от 06.05.2019 признан недействительным договор купли-продажи недвижимого имущества от 25.04.2018 заключенный между обществом «Норд-Техник» (продавцом) и обществом «Сервис-Лайн» (покупателем), применены последствия недействительности сделки в виде возложения на общество «Сервис-Лайн» обязанности возвратить в конкурсную массу общества «Норд-Техник» объект незавершенного строительства (99,25%), в отношении которого заключен договор энергоснабжения.

Судебная коллегия считает выводы судов, касающиеся недопустимости взыскания задолженности со второго ответчика, ошибочными по следующим основаниям.

Статьей 3 Закона об электроэнергетике предусмотрено, что потребителем признается лицо, приобретающее электрическую энергию для собственных бытовых и (или) производственных нужд.

В соответствии с пунктом 28 Основных положений по договору энергоснабжения гарантирующий поставщик обязуется осуществлять продажу электрической энергии (мощности), а также самостоятельно или через привлеченных третьих лиц оказывать услуги по передаче электрической энергии и услуги, оказание которых является неотъемлемой частью процесса поставки электрической энергии потребителям, а потребитель (покупатель) обязуется оплачивать приобретаемую электрическую энергию (мощность) и оказанные услуги.

Суды, удовлетворяя иск за счет общества «Сервис Лайн», правомерно исходили из условий действующего договора энергоснабжения, в рамках которого указанный ответчик принял на себя обязанность оплачивать электрическую энергию, потребленную на спорном объекте.

На момент заключения договора энергоснабжения для компании, не являющейся стороной договора купли-продажи, общество «Сервис Лайн», право собственности которого на недвижимое имущество зарегистрировано в установленном порядке, признавалось потребителем, с которым гарантирующий поставщик обязан заключить договор энергоснабжения.

Оснований для признания договора энергоснабжения незаключенным или недействительным не имелось.

Вместе с тем, отказывая в удовлетворении требований к обществу «Норд-Техник», суды не учли следующее.

Как установлено вступившим в законную силу определением от 06.05.2019, прежний собственник объекта электропотребления (общество «Норд-Техник») в силу специфики объекта продолжил его использование. Оценив представленные при оспаривании сделки доказательства, суд установил, что ответчики, являясь аффилированными лицами, произвели отчуждение объекта с целью сохранить его внутри группы компаний и не допустить обращение на него взыскания по обязательствам должника. Указав, что договор заключен для вида, без намерения передать покупателю имущество в собственность (статья 170 ГК РФ), усмотрев злоупотребление ответчиками своими правами и нарушение прав кредиторов, суд признал договор купли-продажи недействительным и обязал вернуть должнику имущество.

Таким образом, действия связанных между собой аффилированных лиц были согласованы и направлены, с одной стороны, на заключение договора энергоснабжения с лицом, которое не намеревалось пользоваться спорным имуществом и создавало видимость исполнения договора купли-продажи, и, с другой стороны, на освобождение фактического пользователя (бывшего собственника) от несения расходов по оплате электрической энергии.

Ни одним из ответчиков задолженность не погашена. При этом общество «Норд-Техник» находится в банкротстве с 24.07.2018, а общество «Сервис Лайн» - с 17.09.2019 (процедура наблюдения введена определением суда от 13.03.2020). Имущество, являющееся объектом договора купли-продажи, возвращено в конкурсную массу общества «Норд-Техник».

Совместные противоправные действия ответчиков по заключению договора купли-продажи привели к тому, что при неизменности лица, пользующегося объектом энергоснабжения, договор энергоснабжения был заключен с фиктивным собственником, являющимся неплатежеспособным и впоследствии утратившим право на недвижимое имущество. Подобные противоправные действия не могут освободить лицо, которое является действительным собственником и пользуется объектом энергоснабжения, от обязанности оплатить услуги гарантирующего поставщика, как если бы мнимая сделка не совершалась. Таким образом, ответчики должны отвечать перед истцом солидарно применительно к положениям статей 322, 323, 1080 ГК РФ.

IV. ПУБЛИКАЦИИ И ВИДЕО В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Статьи в периодических изданиях

Журнал "Цивилистика"

№ 5

[Шафранов А. Правовой статус арбитражного управляющего](#)
[Маслов А., Николаев А., Гуна А., Лысенко А., Курбанов Б., Величко В., Зиновьева К., Ковалерчик М., Шефас П. Случайный выбор арбитражного управляющего в свете реформы законодательства о банкротстве: анализ предложенной модели](#)
[Чухалдин К. Вознаграждение арбитражного управляющего: увеличить или зафиксировать?](#)
[Зайцев О. О допустимости раздела дома для целей ограничения исполнительского иммунитета](#)
[Будылин С., Тай Ю. Жильё и жутьё. Верховный Суд об иммунитете единственного жилья в банкротстве](#)
[Шефас П. О банкротстве иностранных юридических лиц в России: компетенция судов и гарантии защиты российских кредиторов](#)

Журнал "Арбитражная практика для юристов"

Ноябрь

[Набережный А. Обзор ВС по аффилированным кредиторам. Как суды применяют новые правила](#)
[Солодовникова Л. Субсидиарная ответственность. Главные позиции года](#)

Декабрь

[Петрова Н. Брачный договор в деле о банкротстве. Когда суд признает его недействительным](#)
[Солодовникова Л. Директор не передал документы. Восемь доводов, которые не помогут ему избежать ответственности](#)
[Коршунов И., Байбутлов А. Банкрот оспаривает сделку с обанкротившимся контрагентом. Порядок действий](#)
[Серова И. Порядок направления требований к банку-банкроту. Алгоритм для кредиторов](#)
[Клинова К. Исключение активов из конкурсной массы. Руководство для кредитора](#)
[Саликов М. ВС запретил кредиторам продавать единственное жилье должника и предоставлять ему замещающее помещение](#)
[Из-за поста юриста в Instagram суд отказался признавать ее клиента банкротом](#)

Журнал "Юрист компании"

Ноябрь

[ВС дал инструкцию, как защитить директора и участников от субсидиарной ответственности, и другие изменения, о которых вам важно знать](#)

Декабрь

[Глушков Н. Компания не знает, где имущество должника- банкрота. Как это выяснить](#)

Ноябрь

[Ким И. Субординация требований: ВС РФ так и не определился, к какой модели — жесткой или мягкой — склониться](#)

[Шестакова М. Кредиторы не вправе договориться о замещающем жилье для должника, пока в законодательстве не закрепят критерии роскошного жилья](#)

[Шестакова М. ВС РФ разъяснил, можно ли во время санации оспаривать договор поручительства по банкротным основаниям](#)

[Шестакова М. Если арбитражный управляющий не оспорил невыгодные сделки должника, то его могут оштрафовать](#)

[Шестакова М. ВС РФ не разрешил банку включиться в реестр поручителя из-за аффилированности](#)

Декабрь

[Шестакова М. Споры по банкротству, недвижимости и между участниками ООО. Верховный суд утвердил третий Обзор судебной практики](#)

[Рязанова Д. Кредитор финансирует должника в условиях кризиса: когда его требования субординируют?](#)

[Рязанова Д. Оспаривание сделок и включение требований кредиторов в реестр: стандарты доказывания](#)

[Шестакова М. Требование по гарантии во время банкротства банка можно отправить как по адресу банкрота, так и по адресу конкурсного управляющего](#)

2. Блоги

[Будылин С. Жильё и жульё. Верховный Суд об иммунитете единственного жилья в банкротстве ВС отказался решать семейный конфликт банкротством // Дело о банкротстве Светланы Генераловой Должникам начислят договорные проценты // Верховный суд принял разъяснения о моратории на банкротство](#)

[Должников оставили с единственным жильем, кредиторов — с правовым вакуумом // Кейс месяца по банкротству](#)

[Домнин С. Корпоративные арбитражные управляющие в РФ. С какими трудностями придется столкнуться авторам этой идеи](#)

[Доценко М. Вредные советы Генри Резника и Ко // Комментарий к разъяснению адвокатской палаты г. Москвы от 26.11.2020г.](#)

[Доценко М. Росреестр против Конституции // Почему дело арбитражного управляющего Максименко А.А. так важно для всей банкротной практики?](#)

[Доценко М. Содрать шкуру дважды. Инструкция от ФНС // Комментарий к Определению ВС № 307-ЭС20-11632 об административной ответственности арбитражного управляющего](#)

[Доценко М. Кейс: как акционер Газпрома замок в Италии «покупал» // «Ты не пройдешь!». Часть III. Практика борьбы с «липовыми» долговыми расписками](#)

[Задорожный А. Последние новости реформы реструктуризации и банкротства в России: заявления первого вице-преьера](#)

[Кредиторам запретили принудительно предоставлять замещающее жилье // Дело о банкротстве Дмитрия Стружкина](#)

[Курбанов Б. Арестный залог во Франции, Германии, Австрии и его эффект в банкротстве. Сравнительно – правовая заметка в связи с реформой законодательства о банкротстве](#)

[Морев Д. Догнать уходящий поезд // Может ли кредитор остановить вывод активов должника до \(или вне\) процедуры банкротства](#)

[НДС при аренде имущества заплатят за счет его залогодержателя // Кейс месяца по банкротству](#)

[Отказ от договора не признали злоупотреблением // Дело о банкротстве общества «Заря»](#)

[Савченко Д. Субординация требований дольщиков](#)

[Садыкова Д. Самые распространенные основания для отмены актов по субсидиарной ответственности](#)

[Саликов М. Обращение взыскания на единственное жилье должника. Судебная практика с 01.06.2020 по 01.12.2020](#)

[Саликов М. Долгожданное определение по делу Стружкина и его «единственному» жилью. Очередная боль и разочарование от Верховного суда // Комментарий к определению Верховного суда № 309-ЭС20 10004 от 29.10.2020](#)

[Саликов М. Обращение взыскания на две квартиры, объединенные в одну, общей площадью 688 кв. м. Предварительный анализ дела и доводы кассационной жалобы. Нас ждут новые правовые позиции!](#)

[Салмаков Д. Верховный Суд РФ предоставил право участвовать в деле о банкротстве бывшему участнику должника](#)

[Свалова Н. О гонорарах юридических консультантов в делах о банкротстве банков](#)

[Стасюк И. Защита интересов бывшего участника общества при банкротстве компании. Часть 1. «Искусственное» банкротство](#)

[Стасюк И. Защита интересов бывшего участника общества при банкротстве компании. Часть 2. Формируется ли на банкротных торгах рыночная цена имущества?](#)

[Стасюк И. Защита интересов бывшего участника общества при банкротстве компании. Часть 3. Обратимо ли включение в реестр требований аффилированных лиц](#)

[Трубина Д. Дайджест отдельных позиций Верховного Суда РФ за вторую половину сентября и октябрь 2020 года](#)

[Управляющий должен оспаривать все порочные сделки // Дело Александра Максименко](#)

[Утрату задатка не признали вредом кредиторам // Дело о банкротстве общества «Торглайт»](#)

[Чайкина О. Снятие арестов на имущество должника, наложенных в рамках уголовных дел, при банкротстве](#)

[Чернявская О. «Больше не право, а обязанность»: управляющий обязан оспаривать сделки, если это разумно, в противном случае ему грозит административная ответственность](#)

[Шайдуллин А. Итоги 2020 года. Банкротство и корпоративное право](#)

[Шайхразиев В. Приоритет публичных образований в новом Законе о банкротстве](#)

[Шафранов А. К вопросу об оплате труда арбитражного управляющего](#)

[Ягнакова Е. Как изгнать аффилированных лиц из РТК?](#)

3. Видео по вопросам банкротства

Банкротный клуб - [Цикл онлайн-мероприятий «Субсидиарная ответственность в разрезе презумпций»](#)

Банкротный клуб - [Онлайн-мероприятие «Обсуждение корпоративных АУ»](#)

* * *

Ответственный

редактор Дайджеста:

Юрий Сбитнев,

адвокат, магистр частного
права (РШЧП), партнер
Адвокатского бюро
"Эксиора" город Москва



Редакторы:

Гульнара Исмаилова

юрист-эксперт, редактор портала Закон.ру



Дарья Нюхалкина

адвокат, АБ "Эксиора"



Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно [здесь](#)

С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться [здесь](#).

Отписаться от получения данной рассылки можно [здесь](#)

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"

<http://www.m-logos.ru>

E-Mail: digest@m-logos.ru

Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"

<http://exiora.ru>

E-Mail: info@exiora.ru

Тел.+7 (495) 762-62-44